ВЕСТИ ДНЕВНИК НА ФРОНТЕ ЗАПРЕЩАЛОС

Геннадий Токарев

ВЕСТИ ДНЕВНИК НА ФРОНТЕ ЗАПРЕЩАЛОСЬ

ОБЩЕДОСТУПНАЯ БИБЛИОТЕЧКА

издательство СВИНЬИН И СЫНОВЬЯ

Геннадий Токарев

ВЕСТИ ДНЕВНИК НА ФРОНТЕ ЗАПРЕЩАЛОСЬ

ОБЩЕДОСТУПНАЯ БИБЛИОТЕЧКА

издательство СВИНЬИН И СЫНОВЬЯ
Новосибирск
2005

ББК 83.3 (2Рос=Рус)
Т 51

Художник В. Сапожникова

Геннадий ТОКАРЕВ
Т 51 **Вести дневник на фронте запрещалось**.– Новосибирск: Изд-во «Свиньин и сыновья», 2005. – 236 с.

ISBN 5-98502-022-3

ДНЕВНИК СОЛДАТА

Книга Г. Ф. Токарева настолько необычна, что пересказывать ее нет смысла.

Была проза «генеральская», была «солдатская». По этому поводу спорили разные писатели – от Константина Симонова до Виктора Астафьева. Но спорили, как правило, профессионалы, и налет профессионализма – искусственного происхождения налет – вольно или невольно ложился на их произведения. А Геннадий Федорович не профессионал, не писатель.

«*В Карповке,* – вспоминает он, – *я впервые увидел в работе наши «Катюши» – гвардейские минометы, стрелявшие реактивными снарядами – ракетами. Зрелище было впечатляющим. «Катюши» стояли на площади села, возле церкви, и посылали свои «гостинцы» далеко в*

расположение немецких войск. Оттуда приглушенно слышалась дробь частых разрывов. После каждого залпа, сопровождавшегося страшным шумом, напоминавшим выпуск излишков пара мощной ТЭЦ, все вокруг окутывалось дымом, а вдаль летели огненные стрелы ракет. «Катюши», чтобы их местонахождение не определил враг, после залпа меняли позицию или мчались в тыл. Смонтированы они были на автомашинах... А перед Карповкой я впервые увидел немецкое кладбище – ряды березовых крестов. Кресты эти, как их владельцы когда-то, стояли шеренгами. Десятки рядов с сотнями крестов в ряду. Если учесть, что под каждым крестом было не менее десятка гитлеровцев, то получается, что захоронено на этом кладбище было несколько тысяч солдат и офицеров...»

Так Г. Ф. Токарев пишет о великой войне, в которой участвовал.

Появившись на свет еще до Первой мировой (21 января 1913 года), он провел детство в селе Ермаковское Красноярского края. Мать – учительница, отец – по-

чтовый служащий. Окончил Кемеровский строительный техникум, служил в армии, воевал, был ранен, долго лечился. Несмотря на инвалидность, работал коллектором в Углеразведке, секретарем в сберкассе, на партийной работе, начальником отдела кадров, инженером по технике безопасности, около двадцати лет провел в инженерах-сметчиках. Избирался в бюро парткома Металлургического завода, являлся кандидатом в члены РК КПСС Кировского района (Новосибирск). Для него это было важно. Он жил так же, как жили его соседи по кварталу, по улице. Возглавлял местком профсоюза, состоял членом Общества по распространению политических и научных знаний, выступал с лекциями на предприятиях и в организациях города.

А в свободное время писал воспоминания. Для близких.

Страшно жаль, что Геннадий Федорович не увидит эту книжку.

В июне 2001 года Геннадий Федорович ушел из жизни в возрасте восьмидесяти восьми лет.

«Вести дневники на фронте запрещалось из соображений сохранения военной тайны: дневник мог попасть в руки врага». Но запретить *помнить* человеку никто не может.

Геннадий Прашкевич

Любимому внуку Даниилу посвящается

Тетрадь № 4

НА СЛУЖБЕ ВОЕННОЙ. ФРОНТ

1

Город юности. Поезд идет на Дальний Восток

Восьмого ноября эшелон с новобранцами отправился от воинской площадки Новосибирского вокзала. Состоял он из двух десятков трех- и четырехосных товарных вагонов, которые почему-то носят название «телячьих». Итак, мы ехали в «телячьих» вагонах. У обеих торцевых стен вагона были сделаны двойные нары. На каждой полке этих нар помещалось 8 или 10 «спальных» мест. В середине вагона стояла круглая чугунная печь, которая топилась круглые сутки каменным углем.

Днем вагон освещался четырьмя маленькими оконцами без стекол, по два оконца выше нар на каждой боковой стенке вагона. На ночь оконца прикрывались металлическими ставеньками. В ночное время вагон освещался свечкой и топящейся печкой через решетку дверцы-поддувала.

Горячую пищу получали один раз в день на узловых станциях.

Народ в вагоне, как и во всем эшелоне, подобрался самый разнообразный и по возрасту, и по профессии, и по образованию. Так же разнообразно, подчас довольно живописно, были и одеты.

Эшелон сопровождали младшие и средние командиры.

На первой же большой станции, в Юрге или Тайге, многие новобранцы показали свои способности, опрокинув несколько ларьков. Набезобразничали в ресторане. Похватав тарелки с едой, скрылись, не уплатив. Запаслись водкой.

На следующих больших станциях рестораны закрывались перед приходом нашего эшелона. Видимо, администрация вокзалов предупреждалась о возможных грабежах. Молодой, лет 23–24, парень пил водку еже-

дневно, все 7 или 8 дней пути. У него была большая эмалированная кружка. В эту кружку он выливал пол-литра водки, крошил туда хлеб и эти крошки с водкой хлебал столовой ложкой. Покончив с такой трапезой, ложился спать. Через несколько часов просыпался, и все повторялось. Другие пили реже и не так, как он, но пили почти все.

Я не пил. Ехать было скучно. Радио не было, читать – темно. По ночам, когда прогорало в печи, в вагоне было холодно. Мы знали, что едем на восток, ибо туда двигался поезд, но места назначения не знали до самого Хабаровска.

2

Славное «море»

Через несколько суток однообразного и утомительного пути эшелон прибыл в Иркутск. Под вечер остановились на левом берегу Ангары. В Иркутске нас помыли в бане. Ночью поезд тронулся. От станции «Байкал» к озеру вплотную подходят горы. Начались тоннели, некоторые большой протяженности. Иногда хвост эшелона не успевал выйти из очередного тоннеля, как

голова его ныряла уже в следующий. Длинные тоннели были освещены электрическими лампочками. В тоннелях громче слышится стук колес на стыках рельсов. Эшелон тащил паровоз, дым забивался в вагоны.

От станции «Байкал» до станции «Слюдянка» – перегон километров 30 – я насчитал более 50 тоннелей. В Слюдянку эшелон пришел рано утром. Еще плохо рассвело. Над «Священным морем» поднимался туман. Вода Байкала прозрачная, на большой глубине видно галечное дно.

Напились байкальской воды, набрали ее в котелки.

3

Улан-Удэ – Чита – Хабаровск

Улан-Удэ – столица Бурятской автономной республики. В то время это был захолустный городок с немощеными улицами. Пыль да песок, плохонький вокзалишко. Чита смотрелась большой деревней, утонувшей в песках, а кругом сопки, лишенные снега, хотя стояла середина ноября. Однажды утром, на 6-й или 7-й день пути, поезд, прогромыхав по трехкилометровому

мосту через реку Амур, нырнул в тоннель и выскочил из него у железнодорожного вокзала «Хабаровск». Город стоит на сопках, на берегу Амура, одной из самых крупных рек Дальнего Востока.

В городе не был.

Вскоре эшелон от Сибирской магистрали свернул влево. Едем в Комсомольск-на-Амуре. Проехали Волочаевку с ее памятником партизанам – героям гражданской войны на Дальнем Востоке. Памятник установлен на высокой сопке. До сих пор еще поется песня о «волочаевских днях», «приамурских партизанах», «штурмовых ночах Спасска». В то время он назывался «Ворошиловым». Не пишу о многих станциях на пути к Хабаровску.

4

Город юности

От Хабаровска до Комсомольска-на-Амуре, километров 400, поезд шел около двух суток. Путь был в одну колею, с временными деревянными мостами через таежные речки и овраги. Такие мосты мы проходили пешим порядком, а состав шел без людей.

Поезд часто останавливался на полустанках, где призывники сами грузили в тендер дрова. Паровозы «на ветке» ходили «на дровах».

Кругом сопки, покрытые лесом.

Очень интересными были строения станций и полустанков на «ветке». Все они были рубленными из бревен, наподобие древнерусских теремов с островерхой двускатной крышей. Бревна углов здания в верхних и нижних венцах выступали далеко за плоскость стены. По мере приближения к середине высоты здания они укорачивались.

Рано утром на девятый или десятый день пути воинский эшелон прибыл в город юности – Комсомольск-на-Амуре. Город стоит на левом крутом берегу полноводного Амура, на месте бывшего села Перминово, при впадении небольшой таежной речушки Силинки в Амур. В этой горной Силинке водилась форель.

Основателями города были, как известно, комсомольцы, приехавшие туда в 1932 году. О первостроителях Комсомольска Вера Кетлинская написала роман «Мужество», был снят кинофильм «Комсомольск». В 1937 году город отмечал свое пятилетие. Уже был задействован судостроительный

завод № 199, выпускавший канонерские лодки. Это легкие морские корабли с артиллерийским вооружением. Строились авиационный и аккумуляторный заводы.

На улице Кирова, главной улице города, упиравшейся одним концом в Амур, а другим в тайгу, стояли уже два или три пятиэтажных кирпичных дома и кирпичная городская баня. Все остальные постройки были из деревянного бруса. Население города насчитывало около 50 тысяч человек. Город бурно строился, и строительство велось воинскими частями: участвовали 4 строительных полка и несколько отдельных строительных батальонов. В Комсомольске-на-Амуре находился Штаб особостроительного корпуса, сокращенно ОСК. Заказчиком был строительный трест № 36, который также был в Комсомольске-на-Амуре. Много воинских частей разного назначения было и в окрестностях города.

5

Начало солдатской службы

Воинский эшелон подошел к городскому вокзалу – большому деревянному зда-

нию, выдержанному в стиле боярской Руси, часов в 10–11 утра. Через несколько минут колонна призывников, одетых кто во что горазд, двигалась по гудронированному шоссе улицы Кирова к центру города, где была городская баня. Снега на земле почти не было, но мела поземка, и было довольно холодно. Изрядно продрогнув после 2–3 часов ожидания на улице, мы наконец-то попали в баню, стены которой, к нашему удивлению, были расписаны маслом. Добравшись до тепла, до горячей воды, оттаяли. Из бани вышли уже «красноармейцами»: в шинелях, в шлемах, в ботинках с обмотками, неся в узелках собственные вещи, которые в тот же вечер сдали в полковой склад.

Попал я в третий строительный полк, расквартированный в деревянных бараках в центре города. На территории полка были полковой клуб, библиотека, столовая, гарнизонный стадион, санчасть. Территория была огорожена довольно высоким забором. Штаб полка находился на другой стороне улицы, в небольшом деревянном доме, во дворе строившегося кирпичного здания. Ротная казарма – каркасно-засыпной барак с четырьмя рядами двухъярусных нар, по

ряду вдоль стен, два ряда в середине. У входа в казарму – небольшое свободное пространство, где сидит дневальный. В задней части казармы – пристройка с умывальником и туалетом с выгребом. Отопление казарм печное. Водоснабжение – водопровод.

6

Солдатский быт

В первую же ночь пребывания в полку роту по тревоге подняли, едва она успела заснуть. Поднявшаяся метель занесла аэродром снегом. Надо было его расчищать. Аэродром – на льду Амура. Ветер между сопками дует, как в трубу. Трудно устоять на ногах. Проработали всю ночь. С этой ночи началась моя солдатская служба.

Подъем в 6 часов. Построение, умывание, физзарядка – бег по военному городку в нижних рубашках в любую погоду. С 7 до 8 часов занятия: материальная часть винтовки, уставы, история СССР. Рассаживаемся на нижние нары, в проходе между ними. В 8 идем в столовую. Если места не освободились, рота ждет возле столовой. Завтрак 15–20 минут. По команде: «Снять голов-

ные уборы. Садись!» – садимся за столы. Дежурное отделение разносит бачки с супом. Суп из соленой горбуши с перловой крупой, которую здесь называют «выдвиженкой». И суп этот дают ежедневно три раза в день. Бачок супа на 8 человек. Через неделю миски с супом остаются нетронутыми на столах. Довольствуемся чаем с сахаром.

В обед на второе дают гречневую кашу, бачок на 16 человек. Каши не хватает. Доедаем из мисок старослужащих. Они не демобилизовались и еще не уехали. Кашу они почти не едят. Это народ денежный, они приносят в столовую свой харч. Некоторым из нас удается стащить бачок каши на раздаче или свой парень из дежурного отделения сунет. Миг – и бачка каши нет.

Через месяц после такого питания я почернел. Ребята пророчат, что я солдатской жизни не переживу.

После завтрака команда: «Встать. Надеть головные уборы. Строиться». Пока рота выходит из столовой, те, кто вышел первыми, курят. Идем на работу.

Я работаю мастером на строительстве деревянного жилого дома. Дома здесь на

железобетонных стульях. Глубина промерзания грунта 3 м. Копка ям под стулья ведется вручную. Но прежде надо оттаять грунт. Всю ночь земля оттаивается кострами. Проволока разбивки осей перегорает и рвется, надо связывать. Мороз минус 25–30 градусов. Ветер вырывает из рук чертежи. Голые пальцы стынут на морозе моментально. Часто бегаем в обогревалку. Шинель греет плохо. Днем не можешь дождаться, когда кончится рабочий день, вечером – когда будет отбой. Засыпаешь, едва ткнешься головой в подушку. И когда раздается голос дневального: «Подъем», то кажется, что ты только что заснул. Ночь пролетела мгновением. Спим мы на нарах друг к другу вплотную.

От плохого питания, неустроенности и скученности – вшивость. Довольно низкое моральное состояние. Я очень скучаю по семье, по Вале.

Сплю я на верхних нарах. Ботинки и обмотки в них – под нижними нарами. Когда раздается команда: «Подъем», соскакиваю с нар, хватаю обмотки и снова взбираюсь наверх, так как внизу, в узком проходе между нарами, неимоверная теснота. Быс-

тро наматываю на ноги черные трикотажные обмотки. Быстрота должна сочетаться с осторожностью. Иначе обмотки, скатанные в тугое кольцо, выскользнут из рук и свалятся вниз. Тогда надо «выуживать» их снизу, скатывать в скатку и все начинать сначала.

Рота уже умывается, начинается построение, а ты опаздываешь. Получаешь наряд вне очереди на мытье казармы или какие-нибудь другие хозяйственные работы в роте, куда пошлет старшина. А так как ты еще «молодой» боец, то младшие командиры воспитывали в духе уставных требований. Особенно усердствовали украинцы.

Командирами взводов у нас были младшие командиры – сверхсрочники (отделенные командиры). Два треугольника на петлицах. Сержантского состава тогда еще не было. Командиром роты был младший лейтенант, человек лет 40. Роты были большого состава, человек 200–250.

Первой и, кажется, единственной моей просьбой, с которой я обратился к маме, была просьба выслать мне сапоги. Сапоги вскоре я получил и навсегда распрощался с ботинками и ненавистными мне обмотками.

7

Штаб ОСК (особостроительного корпуса)

Строительным мастером я проработал месяц или два и был отозван для дальнейшего прохождения службы в технический отдел штаба корпуса, где месяц или полтора занимался копированием чертежей. Работа хотя и нетрудная, но мало интересная. Однако в армии службу не выбирают. Зато блаженствовал – тепло.

Следующим этапом моей военной «карьеры» был отдел капитального строительства, где я работал в должности сметчика (должность воентехника). Начальником ОКСа был военный инженер второго ранга (две шпалы на петлицах) Колибернов. Это был знающий дело инженер и замечательный человек. Строгий без мелочности, справедливый и отзывчивый, умевший прощать вину, если она – следствие ошибки или молодости.

Начальником сметной группы был Рамзаев Александр Иванович, воентехник первого ранга (три кубаря на петлицах). Человек он был добрый, однако любил

подчеркнуть свое офицерское звание. Порой мог вспылить, но был отходчив. В группе работали воентехник второго ранга Николай Иванович (фамилию не помню), техник-строитель Сафонов Лев Николаевич. Он служил в Хабаровске, а после демобилизации стал по договору работать на строительстве Комсомольска. В качестве сметчиц работали еще две женщины. Пятым в группе, не считая начальника, работал я.

8

Друзья-однополчане

Первым человеком, с которым я познакомился и с которым мне пришлось два или три месяца поработать «бок о бок», был красноармеец Москальков, белорус из Дорогобужа. Это был высокий блондин лет 22, тонкий и хитрый, в шинели до колен. Ремень на шинели ниже хлястика, обмотки на тощих ногах – тоже до колен. За пазухой – тетради или книги. Он учился заочно в институте и за два года службы в армии окончил два курса. В ОКСе Москальков исполнял обязанности секретаря-машинистки.

Миша Курятников – москвич, сутулый большеглазый брюнет с эмфиземой легких, заядлый курильщик и шахматист. Был он техник-строитель и работал в управленческом аппарате строительного участка. Иван Сучков – краснодарец, техник-строитель. Работал прорабом. Григорий Шильников – москвич, высокий полнотелый блондин с густым ежиком русых волос. Работал по снабжению. Ладил со всем начальством, был доволен и работой, и собой.

9

Полковник Чезлов

Было это еще до организации сметной группы. Сидели мы с Ваней Москальковым в кабинете. Он печатал что-то на машинке, я копировал чертеж на кальку. На улице мороз, температура ниже минус 30. Комната, в которой мы работали, была на первом этаже, недалеко от входной уличной двери. В коридоре далеко не экватор. Когда открывают дверь в комнату, из коридора несет холодом, как из ледника.

Вот слышим, а точнее, ощущаем, как открылась дверь в нашу комнату, и некото-

рое время остается открытой. Поток холодного воздуха течет по ногам.

– Эй, раззява, – кричит Москальков, не поднимая голову от машинки, – закрой дверь с той стороны!

Некоторое время стоит тишина. Холодный поток перестал течь.

И вдруг:

– Встать!

Властный окрик подбрасывает нас со стульев.

У дверей стоит наш командир полка полковник Чезлов. Он в белом полушубке, валенках, шапке-ушанке.

И тут начинается «разнос»:

– Как вы смели! Шибко грамотные! Не уважаете старших!

Москальков пытается что-то сказать в свое оправдание, но окрик «Молчать!» заставляет его умолкнуть. Разнос продолжается.

Наконец, Москалькову удается вставить, что он не видел, кто заходит, что дверь часто по ошибке открывают. Чезлов, выслушав Ивана, круто поворачивается и, сильно хлопнув дверью, уходит. На этом инцидент исчерпывается.

10

Воентехник Баринов

Служил в штабе корпуса техник-интендант второго ранга Баринов. В Красной Армии он был с самого начала ее зарождения. Имел медаль «20 лет РККА». Образование у него было небольшое, поэтому в звании он не повышался, и оно не соответствовало его возрасту. Это болезненно отражалось на его самолюбии. Этого мы не знали и узнали после события, о котором я хочу рассказать.

Приближалось 1-е апреля. День, когда люди в шутку обманывают друг друга. «Первый апрель – никому не верь». Мы с Москальковым решили обмануть Баринова. Дождались 1-го апреля и говорим, что его вызывает начальник штаба корпуса. Баринов, старый служака, кинулся туда «на рысях», а начальник, как говорится, ничего знать не знает, ведать не ведает.

Прибежал от него Баринов, белый как мел, – и прямо к Колибернову. Мы не присутствовали при их разговоре и не слышали, что он говорил. Но со слов Колиберного, который долго отчитывал нас, держа по

стойке «смирно», поняли, что Баринов воспринял нашу шутку, как злую насмешку над красным командиром, и грозился подать рапорт по начальству для предания суду трибунала оскорбивших его красноармейцев.

Насилу нашему начальнику удалось убедить его в том, что мы не собирались ущемлять его командирское достоинство, и отказаться от подачи рапорта.

Так второй раз мы вышли сухими из воды, благодаря нашему умному начальнику, который сказал нам:

– Вы, ребятки, не шутите больше так. В следующий раз я не смогу вас избавить от наказания.

11

Весна 1938 года

Апрель – это уже весна. Нет больше свирепых морозов с ветром вдоль Амура. Кажется, и душа оттаяла. Иду с обеда в корпус. Попадаются люди, от которых пахнет монпансье. Один, другой, третий...

Зашел в магазин. Очередь. Продают конфетную эссенцию. Она на спирту. Тогда только до меня дошло, что все встретивши-

еся мне люди – мужчины. Значит, эссенцию пьют вместо водки. Водку в то время в Комсомольск не завозили.

Вскоре вскрылся Амур. Затем пришло лето. В полковой столовой – свежая кета, горбуша во всех видах: в супе, котлетах, просто жареная. Хлеб на столах. Ешь, сколько хочешь. Едим с аппетитом.

К лету я стал подрабатывать на сметах, для чего оставался в штабе корпуса после работы и в воскресенья. Заказчиков – хоть отбавляй. Платят хорошо. Мой непосредственный начальник Александр Иванович Рамзаев идет мне в этом деле навстречу, даже помогает в клиентуре.

Начальник УКСа подписывает нам требования в полк на работу в воскресенье. Их, утвержденные начальником штаба полка, в воскресенье утром зачитывает перед строем старшина роты. А мы с огорченным видом говорим: «Есть идти в штаб корпуса», радуясь в душе, что избавлены от бесконечных уборок в казарме и на территории городка.

Выносим на улицу для проветривания свои соломенные матрацы и быстро скрываемся за проходной.

Приработок от смет давал мне возможность питаться в столовой комсостава, покупать масло, икру, посылать деньги Вале. Когда я демобилизовался, то вез с собой более 1000 рублей.

В штабе корпуса в воскресные дни мы не только работали, но и писали письма домой, читали художественную литературу. Иногда бродили по городу, стараясь не попадаться на глаза ротному начальству. Патруль нам был не страшен. Постоянный пропуск в штаб корпуса гипнотизировал его.

С приходом весны, от хорошего питания поднялось настроение, исчезли вши, которые были почти у всех. Жизнь пошла на лад.

Летом получил фотокарточку 4-месячного сына Олега. Он был так сфотографирован, что казалось, будто голова приложена к туловищу, а шеи не было.

12

Лето 1938 года

Летом спать в казарме, хотя и выставлены оконные переплеты, душно. И, кроме того, завелись клопы. Как-то дня на два весь полк выехал на барже, которую тя-

нул небольшой буксирный пароход вверх по Амуру, на уборку сена. В это время произвели санобработку казарм. Вставили оконные переплеты, заклеили бумагой все щели и окурили помещение сернистым газом (жгли серу). С клопами было покончено. Вернулись мы и вздохнули с облегчением.

За два дня, что мы провели на островах, досыта накупались в Амуре, поели ухи. Но, к сожалению, было ЧП – утонул один боец. Нашли его под баржей. Спасти уже не удалось. Этот красноармеец был не из нашей роты.

За два года службы в нашей роте было две смерти. Один очень хороший парень заболел лейкемией и умер в хабаровском госпитале. Другой бежал по небольшому штабелю досок, наступил на размотавшуюся обмотку и упал со штабеля на голову, сломав шейный позвонок.

Летом 1938 года в Комсомольск-на-Амуре приезжал Ансамбль песни и пляски Красной Армии под управлением его создателя Александрова, отца теперешнего его руководителя. Выступал ансамбль на крутом берегу Амура перед всем корпусом.

Этим же летом в городе были летчики Коккинаки и Бряндинский, совершившие перелет Москва – Дальний Восток. Встречали их на стадионе, в расположении нашего полка.

13

Ежовы рукавицы

После окончившегося в первой половине 30-х годов судебного процесса над группой сотрудников Наркомата внутренних дел и его руководителем Ягодой, обвиняемых в шпионаже на иностранные разведки, и расстрелом их, наркомом Наркомата внутренних дел стал Ежов. Начались массовые репрессии «врагов народа». В обиходе появился термин «Ежовы рукавицы». С 1936 по 1938 годы был арестован целый ряд крупных государственных и партийных работников, видных военачальников. Среди них Тухачевский, Егоров, Уборевич, Алкснис, Эдельман и другие.

Летом 1938 года был арестован командир ОСК, комбриг по званию, потом – главный инженер ОСК, военный инженер первого ранга. Фамилии их я не помню. Оба

были арестованы в своих кабинетах. Несколько позже комендант штаба снял со стены вестибюля портрет командующего Дальневосточным фронтом маршала Советского Союза В. К. Блюхера. На вопрос: «Почему снимаете портрет Блюхера?» – последовал ответ: «Портрет запылился».

Больше он не был повешен.

И всем стало понятно, что и Блюхера постигла та же участь, что и названных выше товарищей. Все они погибли.

В 1939 году Ежов был смещен со своего поста. Некоторое время занимал пост наркома Наркомата речного флота, потом «исчез» бесследно.

Осенью того же года стали возвращаться из мест заключения многие военнослужащие. Их можно было узнать по однобортным шинелям. До 1937–1938 годов шинели были однобортными, на крючках вместо пуговиц и длиннее. Длинная шинель (кавалерийская) была признаком большого шика. В 1937–1938 годах шинели командного и начальствующего состава стали двубортными. Такими они сохраняются и по сей день.

Лица людей, освобожденных из мест заключения, были испитыми, бледными, с

отросшими бородами. Тех из них, кто был коммунистом до ареста, восстанавливали в партии. Больным давали путевки в санатории для восстановления здоровья. А это требовалось всем. Многие в лагерях болели цингой и выходили без зубов.

14

Осень 1938 года

Осень на Дальнем Востоке, как правило, бывает сухая и долгая. До самого ноября, а подчас и дольше, стоят погожие солнечные дни. Сезон дождей бывает во второй половине июля и в начале августа. Поэтому реки Дальнего Востока бывают полноводными как в период весеннего паводка, так и в сезон дождей.

К осени 1938 года я уже «обжился» и привык к солдатской жизни. Она стала уже не такой тягостной, какой была в первые полгода службы. В казарме, по существу, только ночевал. В воскресные дни, когда старшина роты обязательно затевал генеральную уборку, я бывал в штабе корпуса. Наш начальник всегда давал «ребяткам» (мне и Москалькову) заявку – вызов на работу.

Ребята, которые работали мастерами, прорабами, экспедиторами, обычно тоже в роте только ночевали. Поэтому особых тягот от солдатской службы мы не испытывали. Со своими отделенными взводными командирами мы имели дело только от подъема до выхода на работу, то есть в период занятий (1 час) и завтрака. Да еще тогда, когда приходили обедать с ротой. Вечером же старались приходить только к вечерней поверке перед отбоем. Ужинали чаще всего в столовой комсостава или покупали что-нибудь в магазине. В столовую комсостава нас пропускали беспрепятственно, а деньги были. В общем, жили безбедно.

Осенью к одному из красноармейцев полка приехала в отпуск жена. Устроилась на квартиру к кому-то из местных жителей. А ее мужу командование разрешило на этот период ночевать у нее, да и вообще все свободное время проводить с ней. Все женатые красноармейцы, в том числе и я, завидовали этому бойцу.

Я очень скучал по Вале, но ее приезд был для меня только красивой мечтой. Этой мечте я часто уделял целые часы, понимая, что она не может осуществиться. Во-пер-

вых, маленький Олег. Во-вторых, Валя не из тех женщин, которые могут чего-то добиться. Но помечтать было приятно.

15

На крыльях «Родины»

1938 год был ознаменован двумя историческими событиями. Первое из них – вторжение японо-манчжурских войск в июле на территорию нашей страны в районе озера Хасан и захват ими сопок Безымянной и Заозерной с целью прощупать крепость наших границ и мощь Красной Армии. Бои продолжались всего неделю или две, но были жаркими. Самураям «дали по зубам», и они ушли на свою землю. Многие из «хасанцев» потом героически сражались в годы Великой Отечественной войны. «Хасанец» Д. Драгунский, командовавший у озера Хасан танковой ротой, в годы Великой Отечественной командовал танковой бригадой, был дважды удостоен звания Героя Советского Союза и имел воинское звание генерал-полковник танковых войск.

Вторым событием того года был перелет трех отважных девушек – первого

пилота Валентины Гризодубовой, второго пилота Полины Осипенко и штурмана Марины Расковой – на самолете «Родина» с подмосковного аэродрома к берегам Тихого океана. Вылетели они 24 сентября в 8 часов 12 минут. Самолет «Родина» совершил вынужденную посадку в 170 км северо-западнее Комсомольска-на-Амуре, в районе поселка Керби, пролетев 6450 км без посадки. Самолет сел в болотистой местности. Летчиц искали несколько дней. Марина Раскова несколько дней плутала по тайге, питаясь лишь ягодой.

Во время поиска летчиц произошел трагический случай. В воздухе столкнулись два самолета. Погибли экипажи обеих машин и группа парашютистов, которая должна была спуститься на парашютах к месту посадки «Родины». Один из этих самолетов вел летчик Герой Советского Союза Бряндинский. В Комсомольске-на-Амуре на судостроительном заводе №199 состоялась кремация тел погибших. Урны с прахом их были выставлены для прощания в гарнизонном клубе. Печальной и тревожной была процедура прощания, когда эскадрилья военных самолетов на бреющем по-

лете с ревом проносилась, делая круг за кругом над зданием, где были установлены урны с прахом летчиков и парашютистов.

Торжественная встреча экипажа «Родины», прибывшего в город из Керби на катере, состоялась на гарнизонном стадионе, в нашем полку, вечером при свете прожекторов. Летчиц видел на близком расстоянии. Самой интересной была Гризодубова.

Судьба их сложилась по-разному. В декабре 1939 года погибла Полина Осипенко. Во время учебного полета самолет, управляемый двумя Героями – Анатолием Серовым (герой гражданской войны в Испании 1936–1938 годов) и Полиной Осипенко, не вышел из штопора. В 1943 году на фронте Великой Отечественной войны погибла Марина Раскова. Валентина Гризодубова в Великую Отечественную войну командовала авиационным полком. Осталась живой. Здравствует и поныне.

16

Зима 1938–1939 гг.

После затяжной и сухой осени, что характерно для Дальнего Востока, наступила

зима. Последняя моя зима в Комсомольске-на-Амуре. Исполнялся год моей службы в армии. В октябре или ноябре 1939 года я должен был уже демобилизоваться.

Где-то в середине зимы, в декабре или январе, весь полк был на 10–12 дней снят с работ на тактические учения. Первые же дни учений, когда температура воздуха была такой, что шинель казалась не из сукна, а из промерзшего на морозе железа, дали почувствовать, что учения в зимнее время в шинелях и сапогах, а то и в ботинках, – не мед. К счастью, из штаба полка пришло распоряжение откомандировать в штаб полка техников-строителей для проведения инвентаризации. И через день Миша Курятников, Иван Сучков и я уже занимались инвентаризацией полковых объектов и построек.

Рота после завтрака шла на тактические учения, мы – на замеры объектов. Поработав час-полтора, в зависимости от погоды, возвращались в казарму и играли в шахматы до обеда. Вместе с ротой, приходившей на обед, обедали. И все повторялось сначала. Так нам удалось растянуть инвентаризацию на весь период тактических уче-

ний и еще получить за ее высокое качество благодарность от командования полка. Тактические занятия для нас обошлись всего двумя днями замерзания до начала инвентаризации.

17

Весна, лето, осень 1939 г.

После тактических занятий как-то незаметно пришла весна, а за нею и лето. Мы уже стали «старослужащими». Многие из нас работали на «ответственных» постах: в штабах полка и корпуса, а также прорабами, мастерами, снабженцами.

Многие отрастили чубчики, носили хорошо пригнанное обмундирование. Снабженцы зимой щеголяли в хороших дубленках-полушубках, чего мы, штабные, не имели. Работники штаба полка получили звания: кто отделенного командира – два треугольника на петлицах, кто помкомвзвода – три треугольника, а некоторые получили звания старшины – четыре треугольника на петлицах, «пилу». Мы, техники, остались рядовыми, чем нисколько не были огорчены. И так же как и атте-

стованные, почти перестали обращать внимание на «строгости» ротного начальства в рангах отделенного командира или командира взвода. Те и другие носили по два треугольника на петлицах. Только комвзвода были сверхсрочники.

Командиры взводов, поскольку мы были рядовыми, имели право за нарушение дисциплины накладывать на нас дисциплинарные взыскания (наряды вне очереди), но к нам они редко применяли это право, и мы пользовались большой свободой.

Из всего ротного начальства мне запомнился только старшина роты Николай Тарасов, сверхсрочник. Был он высокого роста, хорошо сложен, невозмутим, умен. Во всяком случае, все его действия были разумными, ни у кого не вызывали раздражения. Старшину в роте не боялись, но уважали. Было ему около тридцати лет.

Однажды за какое-то нарушение дисциплины я схлопотал от Тарасова наряд вне очереди – мыть полы. Подошло время отбоя. Рота легла спать. Я тоже лег. Дежурное отделение приступило к мытью полов. Спал я на верхних нарах. Чувствую, кто-то меня дергает за ногу, слышу голос старшины:

– Токарев, вставай полы мыть, – и подергивание за ногу.

Отбрыкнулся ногой и задремал. И опять:

– Токарев, вставай полы мыть, – и подергивание за ногу.

Проснулся, поднял голову. Старшина уже ушел. И я опять уснул.

Больше он меня в этот вечер не беспокоил. На второй вечер повторилось все сначала. На третий – тоже. Поняв, что пока я не отработаю наряд, спать спокойно не придется, я встал и включился в работу. На этом инцидент был исчерпан без шума, крика и угроз.

Во время Великой Отечественной войны мне как-то попалась в руки газета, в которой в числе бойцов и командиров, которым было присвоено звание Героя Советского Союза, упоминался Николай Тарасов. Думаю, это вполне мог быть наш старшина.

18

«Сибиряк»

Шел последний год моей службы в армии. Уже забывалось то время, когда мы,

голодные, набрасывались на бачки с гречневой кашей, которой пренебрегали «старослужащие». Теперь мы были не только всегда сыты, но и разборчивы в еде. Казарма стала домом, рота – семьей. Только я очень скучал по тому дому, который оставил год тому назад. Тосковал по Вале. И чем меньше оставалось служить, тем сильнее было нетерпение скорее увидеть ее и сына.

В один из дней, когда тоска была особенно острой, меня вызвали в ротную канцелярию. Ротный командир сообщил, что меня вызывают в особый отдел корпуса завтра к 9 часам. Всю ночь я размышлял, зачем меня вызывают, и пришел к заключению, что вызов связан с арестом тестя и осуждением его как врага народа. Каково же было мое удивление, когда, придя в особый отдел, я услышал предложение сотрудничать с ними, быть осведомителем политического и морального состояния роты!

Я ответил, что, в принципе, я не возражаю сотрудничать с особым отделом, но только на правах штатного сотрудника отдела. В противном случае – отказываюсь.

Состоялся тяжелый разговор, в котором работник отдела, кажется, майор, неод-

нократно спрашивал меня, за Советскую власть я или против. Если «за», то почему отказываюсь быть осведомителем? У меня был, как мне казалось, веский «козырь»: тесть – враг народа. Мне казалось, что если я выложу его, то от меня отступятся. Этот «козырь» я и выложил в начале разговора, но он не произвел ожидаемого эффекта. Мне ответили, что это им известно.

Первая встреча с майором окончилась «вничью». Мне предложили подумать. На второй встрече было то же. На третьей (все они были в течение недели) – я сдался. Рассуждал я так. Служить мне осталось полгода. Соглашусь, но буду валять дурака и какнибудь протяну до конца службы. Заключу контракт на 2 года с трестом № 36 на работу у них после демобилизации, но подъемные брать не буду и уеду раньше. Всех, кто заключал договор на работу в тресте, демобилизовали в первую очередь.

После того, как я дал согласие работать осведомителем, мне предложили выбрать себе псевдоним. Я отказывался и только после того, как мне сказали, что это обязательно, я ьыбрал себе псевдоним Сибиряк. Подписав обещание о неразглашении

тайны моей работы в качестве осведомителя, я был отпущен «с миром». На прощание было сказано, что некий человек будет приходить в роту и брать у меня информацию о том, что происходит в ней. Он должен назвать мой псевдоним.

Прошло месяца полтора или два. Я уже пережил всю остроту свершившегося. Пришла надежда, что обо мне забыли. И вдруг вечером, когда я, придя с работы, с нетерпением ожидал, когда роту поведут на ужин, у дверей казармы раздался клич дневального. Меня вызывали к выходу. У выхода несимпатичного вида боец приглашает меня выйти на улицу. Выходим. «Что нового, Сибиряк?» – как обухом по голове моей ударяет он словом «Сибиряк». Постепенно прихожу в себя и отвечаю: «Ничего нового нет».

Боец уходит. Через неделю или две такое свидание повторяется с тем же результатом. Затем следует приглашение в особый отдел, неприятный разговор о том, почему нет информации. Стараюсь оправдаться тем, что не произошло ничего заслуживающего внимания. Получаю строгий наказ «не заниматься саботажем» и возвращаюсь в роту. Больше ни со связником, ни в

особом отделе встреч не было. Там, кажется, поняли, что толку от меня они не добьются, да и до демобилизации оставалось всего три или четыре месяца.

Я же постарался поскорее заключить с трестом № 36 договор о работе после демобилизации. По этому договору мне предоставлялась должность сметчика с окладом 900 рублей в месяц, комната, трехмесячный отпуск после двух лет работы. Подъемные я получать не стал, так как знал, что работать не приеду. А поскольку денег не получал, то и привлекать меня к ответственности за нарушение договора не будут. Договор этот я еще долго хранил как память о Комсомольске-на-Амуре, но потом порвал.

19

Прощай, город юности

Перед концом службы время, казалось, остановилось. Скорее хотелось домой увидеть свою семью и ту, в которой вырос. И в то же время я уже привык к Комсомольску, полюбил его, так не похожий на другие города. Полюбил природу этого края, напо-

минающую природу, среди которой прошло мое детство и юность, полноводный и широкий Амур «сросся» с красноармейским братством. И если бы не мама, семья моего детства, с которой мне не хотелось жить вдалеке, я непременно перевез бы свою семью в Комсомольск и стал бы его жителем по желанию, а не по необходимости, как жил в нем два года.

Но вот и подошли дни демобилизации. Они прошли в оформлении документов и массе других дел, связанных с увольнением.

20

Поезд идет на Запад

Настал день отъезда. Многие из нас окрепли физически и выросли духовно. Мой приятель Москальков окончил два курса института. А один боец нашего 3-го полка написал киносценарий на военную тему, получив за него десять тысяч рублей. Деньги по тому времени немалые. Этот боец стал предметом гордости и похвальбы командования части.

Я стал довольно квалифицированным сметчиком. Эта специальность впослед-

ствии стала основной специальностью в моей трудовой деятельности.

Хорошо запомнил, как мы – Москальков, Курятников, Сучков и я – стояли в последние минуты в казарме, мысленно прощаясь с армией, казармой, с тем, что пережили в этих стенах. Было грустно. Мы научились солдатскому братству, научились переживать трудности и надеяться на лучшее будущее.

Не помню, как доехали до Хабаровска. Туда мы прибыли вечером, поэтому ознакомились с городом плохо. Запомнилось только, что главная улица им. Карла Маркса протянулась через ряд сопок и постройки на ней – постройки города купцов и золотоискателей. В Хабаровске купили билеты на скорый поезд «Владивосток – Москва» в мягкий вагон. Ехали хорошо. Питались в ресторане. Мне очень по вкусу пришлась свиная отбивная и душистое горячее какао, которые я постоянно заказывал.

В вагоне с нами ехал гражданин откуда-то с Севера. В ресторане он проводил все время от открытия его и до закрытия. Чтобы не вести расчеты с официантами за съеденное и выпитое, он дал буфетчику круг-

лую сумму и сказал: «Вот тебе деньги. Корми и пои меня до Москвы, и больше не спрашивай». Очевидно, сумма, которую дал этот товарищ, устраивала буфетчика. Возражать он не стал.

По мере приближения к дому, мною все сильнее овладевало нетерпение. За окном вагона была зима. Байкал и Иркутск проехали ночью. Я спал, хотя всю дорогу спал плохо: все рисовались картины встреч с близкими. На третий или четвертый день пути пошли знакомые места: Красноярск, Ачинск, Боготол. И вот, наконец, долгожданный Новосибирский вокзал. Новый, построенный в мое отсутствие, один из лучших вокзалов страны – гордость Новосибирска.

Вспомнился старый плохонький деревянный вокзал и дезокамера, в которую надо было сдавать одежду для санитарной обработки, а самому мыться в бане при вокзале. Это повторялось при каждом приезде в город, потому что брюшной тиф в первой половине 30-х годов был частым гостем в городах Сибири.

Так было и в других сибирских городах, да и не только в сибирских.

ПЕРЕД ГРОЗОЙ

1

В Кемерово

Вряд ли нужно описывать, какой была встреча моя с мамой, бабушкой, сестрой, братом после двух лет разлуки. Пробыл в Новосибирске день или два и поехал к своей семье в Кемерово. Через 7 или 8 часов пути был в городе, где прошла моя молодость, где пришла любовь и создалась семья.

Валя похудела, изменилась. С сыном пришлось знакомиться.

В Кемерово пробыл недолго, но вспоминается один эпизод. Пришел к нам в гости мой друг Алеша Щепакин. Разделся, снял галоши и, оставив их на кухне, прошел в комнату. Сидим втроем, разговариваем. Появляется в дверях Олег, которому было 1 год 9 месяцев, в Алешиных галошах 45-го размера, с баулом в руках. Подходит к Алеше, открывает баул и, вытаскивая оттуда упирающуюся кошку, протягивает ее моему другу со словами: «На, папа, Кис». Алешка покраснел, как вареный рак. Олег еще

не знал, что такое папа. Знал слово, но не знал его значения.

Вскоре мы всей семьей переехали в Новосибирск.

2

Серебренниковская, д.1

Приехав в Новосибирск, мы стали жить у мамы, на ул. Серебренниковской в доме № 1. Улица названа в честь одного из борцов за восстановление Советской власти в Новосибирске Серебренникова.

У мамы была двухкомнатная квартира на первом этаже большого пятиэтажного дома. В меньшей комнате мы и поселились. В другой комнате и в кухне жили мама, бабушка, сестра и брат.

Вскоре я устроился на работу в сметную группу производственного отдела строительства завода «Металлстрой». Позже его назвали комбинатом № 179, а потом заводом «Сибсельмаш».

Первоначально сметная группа была при производственном отделе, потом была передана в проектный отдел, а во время войны был создан сметный отдел. Руково-

дителем сметной группы был опытный сметчик – техник-строитель Музейник Владимир Иванович. Непосредственным шефом группы был заместитель начальника производственного отдела Иван Иванович Щербаков, впоследствии репрессированный, как и многие в период культа личности Сталина. Начальником производственного отдела был Зудин, а начальником строительства – талантливый инженер и организатор Полухин Сергей Калистратович. Главным инженером строительства был Олиференко. Позже Полухин и Олиференко были репрессированы. Полухин погиб. Олиференко, в качестве заключенного, работал на строительстве Завода горного оборудования. Теперь это завод им. Чкалова. Дальнейшая судьба его мне не известна.

Сметная группа первоначально была невелика. Кроме Музейника, в ней были Борис Лоскутов, Нина Тропинина, моя однокашница по техникуму Тамара Усова и я. Позже пришли Ф. Фокин, Г. Кабанов, С. Харламов, Е. Веселова, Николай Трофимович Антонов, старик Левченко, а в начале войны – Я. Плющаков, В. Коновалов.

Когда группа была в составе проектного отдела, отдел возглавлял Владимир Николаевич Твардовский, будущий главный инженер Сибакадемстроя, а обслуживал группу нормировщик Александр Дмитриевич Мухачев. В проектном отделе заведовал строительной группой Вексман Абрам Моисеевич, впоследствии главный инженер Сибакадемстроя, а конструкторской – инженер Богуславский. Когда был организован сметный отдел, начальником его стал эвакуированный инженер Трейтенбронт, его заместителем – Иван Иванович Савченко. После ликвидации сметного отдела сметную группу возглавлял, до ухода в армию, Николай Трофимович Антонов. Но это было уже в 1942 году, когда Управление строительства ушло в другое здание на Восточном поселке, и во главе его стал генерал-майор инженерных войск Косенко, также ушедший позже на фронт. Мне довелось читать в газете о награждении генерала-майора Косенко Орденом Красного Знамени за форсирование Днепра.

Когда я пришел работать в сметную группу, народ там был в основном молодой. Лишь Харламову было несколько больше сорока. Жили мы дружно и весело.

Оклад мне был определен в 400 рублей, но так как оплата была сдельная, по нарядам, то мой средний заработок составлял 1100 рублей в месяц. В первый же месяц моей работы мне пришлось проверять единичные расценки на строительные работы. За проверку я получил больше 800 рублей, что, откровенно говоря, было для меня большой неожиданностью и весьма приятной, так как и я, и семья во многом нуждались.

Было некоторое неудобство, связанное с тем, что работа была на левом берегу Оби, а жилье – на правом. Приходилось ездить на работу на пригородном поезде («передаче»). Нельзя было утром опаздывать на поезд. Я был молод, здоров, и меня это не смущало. Я успевал, даже когда выскакивал из дома, а поезд уже подходил к остановке.

3

События на Карельском перешейке

В конце ноября 1939 года Финляндия, при активной помощи и по указке западных держав Англии, Франции и других, начала пограничную войну с Советским Союзом на

Карельском перешейке. Президентом Финляндии, а по сути дела, диктатором, был бывший свитский генерал последнего русского царя Николая Романова (императора России, Великого князя Финляндии и пр.) – Маннергейм. Война эта не была продолжительной и закончилась 12 марта 1940 года, но стоила нам многих усилий и жертв. Велась она зимой, при сильных морозах, против хорошо вооруженного, злого и коварного врага.

Финны – хорошие лыжники и охотники. Финские «кукушки» – снайперы на деревьях – погубили много русских парней. А какого напряжения стоило нам взломать хорошо укрепленную оборону противника, так называемую «линию Маннергейма», с большим количеством многоэтажных дотов – долговременных огневых точек, с подземными казематами для их защитников, бронеколпаков, мин-ловушек и тому подобного!

Советские войска за три с половиной месяца боев потеряли около 60 тысяч убитыми и более 150 тысяч солдат были ранены. Война эта сразу же почувствовалась и в нашем тылу: исчезли многие продукты с

прилавков наших магазинов, у хлебных магазинов очереди становились с вечера. В нашей семье труднее всего досталось Вале. Она еще не работала, и ей часто и подолгу приходилось стоять в очередях. Всю зиму.

4

На новой квартире

Жизнь на Серебренниковской улице меня не радовала. С самого начала сложились не особенно теплые отношения у жены с сестрой, да и квартира для двух семей была тесна. Я подал заявление по месту работы о предоставлении мне жилья, и в канун 1 мая 1940 года мы переезжали на новую квартиру. Это была не целая квартира, а всего лишь комната в трехкомнатной квартире, но комната была большая, теплая и светлая на втором этаже трехэтажного блочного дома на 31-м квартале в Кировском районе. Теперь эта территория относится к Ленинскому району. Соседями по квартире была семья Плющаковых: двое родителей, трое детей. Плющаков Яков Иванович, тоже работник Управления строительства Сибметаллстроя, был горький пьяница.

В трезвом состоянии – скромный человек, пьяный – скандалист в семье. Как-то летом, будучи пьяным, он выбросил в окно нашу сковороду, по ошибке приняв ее за свою. Но это было уже после войны.

Переезд на новую квартиру не представлял для нас большого труда. Весь багаж наш состоял из «знаменитого» деревянного сундука (Валино приданое), детской кроватки и эмалированного чайника. Мебели не было. Несколько дней чай пили стоя, а накрывали «стол» на подоконнике. Но вскоре я со склада строительства получил в аренду стол обеденный, стол кухонный, кровать, шифоньер, диван и несколько табуреток. Диван в войну забрали в госпиталь. Остальную мебель Вале удалось отстоять, и она служила нам до 1947 или 1948 года.

31-й и 32-й кварталы только еще застраивались. Весь район восточнее теперешней улицы Станиславского представлял из себя поле, на котором стояла больница (теперь это Первая клиническая больница скорой помощи), а дальше – водонапорная башня с казармой охраны и за ней – деревня Бугры.

Через 31-й квартал и поле проходила линия узкоколейки в карьер Бугры, по которой бегали маленькие, почти игрушечные, паровозики с платформами, загруженными камнем, песком и щебнем для строительства. Узкоколейка проходила в двух-трех метрах позади нашего дома и была объектом пристального внимания нашего сына. Его надо было караулить, чтобы он не убежал за паровозом или не попал под его колеса.

Маму и старую семью я навещал часто: летом ездил на пригородном поезде, зимой нередко – пешком по льду через Обь.

Сын рос. Так прошло лето, осень и зима 1940–1941 годов. Я уже вжился в коллектив, хорошо освоил свою профессию сметчика и имел неплохой твердый заработок.

По приезде на новую квартиру Валя также устроилась на работу в Управление строительства архивариусом в технический архив, и наша жизнь стала налаживаться. На жизнь хватало.

В 1942 году в больнице, которая и сейчас через дорогу от нашей квартиры, родилась наша Наташа.

5

Брат Борис

Борис родился в начале июля 1920 года. Отцы у нас были разные. Его отец, Килькинов Степан Михайлович, работал мастером на кожевенном заводе Ерилова. Килькинов и моя мама жили вместе недолго, без регистрации брака, так как в 1919 году регистрировать его было негде. Нужно было венчаться. При Колчаке все эти атрибуты были восстановлены. Причину расстройства их брака я не знаю. Время их сожительства проходило без меня. Мы с сестрой жили у бабушки. Примерно через полгода после рождения Бориса мама с Килькиновым разошлась. Помню, в этом возрасте Бориса мучили припадки, или, как говорили тогда, родимчик. Позже врачи говорили, что это на нервной почве, передано матерью в утробе, что ни в коем случае не надо допускать, чтобы ребенок нервничал. К 6–8 годам припадки прекратились, но запрет оставался в силе.

Этот запрет, полезный для здоровья, пагубно сказался на его дальнейшей жизни. Рос брат очень вспыльчивым, настойчи-

вым, но к учебе прилежания не было. Окончил он всего 7 или 8 классов и курсы электромонтеров. Борис был справедлив и добр. Он очень хорошо относился к Вале, любил Олега и, когда мы переехали в Кировский район, часто бывал у нас.

В 1940 году Бориса призвали в армию. Всю ночь мы пробыли на воинской площадке, пока не отправился эшелон. Больше никто из нас Бориса не видел.

Служил он на Дальнем Востоке в Амурской флотилии. Во время Великой Отечественной войны обучался на курсах пулеметчиков в Красноярске, потом был отправлен на фронт. С фронта не вернулся. Осенью 1943 года был тяжело ранен, попал в госпиталь, и дальше след его пропал.

Зимой 1943 года в Новосибирске, очевидно проездом, был солдат, служивший с Борисом или лежавший с ним в госпитале. Солдат пришел к маме на квартиру, но дома не было ни мамы, ни сестры. Они были на работе. Соседям по квартире он сообщил о том, что брат тяжело ранен и находится в госпитале. «В каком? Где?» – они не могли или не хотели допроситься у солдата. Якобы, он плохо говорил из-за контузии или

ранения. Откуда был солдат, куда ехал, где живет, соседи также не спросили.

Можно было бы вызвать маму с работы, так как она работала всего в 10 минутах ходьбы, но они и этого не сделали. Сказали ей лишь тогда, когда она пришла с работы. Мама с сестрой поехали на вокзал, но бойца так и не нашли. Может быть, он уже уехал. Может быть, ему уже не надо было ехать поездом.

Позже маме пришло извещение о том, что Борис Степанович Токарев скончался от ран в госпитале, но в этом извещении значилось, что Борис кончал Томское артиллерийское училище, которое он не кончал на самом деле. Потом выяснилось, что в Томске тоже живут Токаревы. У них тоже был сын Борис Степанович, который окончил Томское артиллерийское училище, и что они получили точно такое же извещение. Больше ничего выяснить не удалось.

Возможно, в одном и том же госпитале лежали оба Бориса Токаревы. Оба умерли. И, когда писали извещения об их смерти, перепутали их данные. Одинаковые извещения послали по двум адресам. Писала мама и в Ленинград, где хранятся архивы госпи-

талей тех лет. Безрезультатно. Так до сих пор и не известно, где и когда умер мой брат.

6

Болезнь и смерть бабушки

Бабушка моя часто болела. Всю жизнь ее мучил желудок. Зимой 1940–1941 года ходила она в поликлинику. На обратном пути, при выходе из трамвая, кто-то нечаянно сильно ударил ее локтем в грудь. После этого бабушка стала жаловаться на недомогание и через некоторое время слегла. Пригласили частного врача. Врач поставил диагноз: рак легких. Бабушка уже с трудом ходила по комнате, а в конце апреля 1941 года не могла уже вставать с постели. Вызванный мамой тот же врач сказал, что бабушка проживет не более одного или полутора месяцев.

В июне 1941 года бабушка умерла.

7

Накануне

С 1936 года в Европе полыхали пожары войны, лилась кровь.

Гражданская война в Испании явилась испытательным полигоном для военной техники германского фашизма.

Первого сентября 1939 года Гитлер напал на Польшу и проглотил ее за две недели. В состав Советского Союза вошли Латвия, Литва, Эстония. Был подписан договор о ненападении с гитлеровской Германией. В 1940 году Гитлер оккупировал почти всю Европу. В состав Советского Союза вошла Молдавия.

Война подходила к границам Советского Союза. Знали, что она не минует нас. Но когда? Этого не знал никто.

Газеты писали о военных действиях за рубежом, о нарушениях нашей западной границы немецкими военными самолетами. День ото дня этих нарушений становилось больше, но тезис «не дать повода для провокаций и не стать их жертвой» мешал трезво оценивать обстановку и принимать действенные меры хотя бы для того, чтобы война не застала нас врасплох. И так до последнего дня, последнего часа, последней минуты.

Все еще считали, что «граница на замке», что если будет война, то она будет вес-

тись на чужой территории. Об этом говорили лекторы, об этом писали в газетах, об этом пели в песнях. Однако события, происходившие за рубежами нашей Родины, заставляли не только задумываться, но и тревожиться за наше будущее. Так прошел 1940 год, и заканчивалась первая половина 1941 года.

В тревогах и надеждах жила вся страна.

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

«ГРОЗА»

1

«Вставай, страна огромная»

Воскресенье 22 июня 1941 года выдалось солнечным и жарким. Таким оно было и на большей части территории нашей страны.

Навестить нас приехали мама и сестра. Прошла неделя со дня смерти бабушки. Сидели, разговаривали. В комнате станови-

лось жарко, хотя окно было открыто, а может быть, именно поэтому. Играло радио. Вдруг оно смолкло, и голос московского диктора произнес:

– Говорит Москва, говорит Москва. Во столько-то часов (не помню во сколько) слушайте важное правительственное сообщение.

Так повторилось несколько раз, а через час или два весь мир узнал о нападении гитлеровской Германии на Советский Союз.

Война пришла в образе фашистского солдата, фашистского самолета и танка, фашистского военного корабля и фашистской подводной лодки в нашу страну.

Через несколько часов многие военнообязанные получили уже мобилизационные предписания, некоторые из них пришли в военкоматы, не дожидаясь предписаний. Домой спешили из санаториев, домов отдыха, из командировок и просто из отпусков, проводимых вдали от родного очага. Шли дни. Пустели полки магазинов, росли цены на базарах. То, что раньше стоило копейки, продавалось за рубли. Вскоре килограмм картошки стоил 30–50 рублей. К мясу

нельзя было подступиться из-за непомерно высокой цены.

На предприятиях и в учреждениях отменили отпуска, выходные дни. Рабочий день стал 10 часов.

Вскоре в Новосибирск стали приходить эшелоны: эвакуировали людей и оборудование заводов из мест, которым угрожала фашистская оккупация.

Сводки о военных действиях, передававшиеся по радио, были все тревожнее и тревожнее. Наши войска оставляли город за городом, а селам и деревням, оказавшимся «под немцем» уже не было числа. К октябрю 1941 года враг был под Москвой.

2

Младший воентехник

Я работал. Как и многие, работавшие на заводе, имел броню – документ, выдаваемый военкоматом тем лицам, в которых предприятие нуждалось в первую очередь. Броня освобождала от мобилизации в армию в случае войны.

Вскоре был организован сметный отдел. Помещался он в огромном зале на вто-

ром этаже заводоуправления комбината № 179 (завод «Сибсельмаш»). В этом зале были и другие отделы. Всего человек двести. На площадке комбината было пять заводов: 188-й, 556-й, 65-й, 666-й и сам комбинат № 179. Велось строительство корпусов Е-1, Е-2, Е-3, Е-4 металлургического завода (теперь цеха №№ 1, 2, 3, 4) и огромного корпуса 4-а для комбината № 179. На строительство его мне пришлось составлять смету.

На пустыре, за водонапорной башней, как грибы, из земли вырастали землянки для людей, эвакуированных из западных областей страны. Позднее в этих землянках жили немецкие военнопленные.

В начале сентября 1941 года несколько человек строителей, и меня в том числе, зачислили в штаты формируемых в Кировском районе строительных батальонов.

Я был зачислен в 838 строительный батальон на должность старшего воентехника. Получил обмундирование: шинель, сапоги, гимнастерку, брюки и все остальное. Шинель была однобортная, солдатская.

Батальон помещался в палаточном городке, недалеко от теперешнего базара или

даже как раз на этом месте. Палаточный лагерь просуществовал до морозов. Зимой батальон был на казарменном положении в бараках. Видимо, в память о существовавшем когда-то лагере одна из прилегающих к базару улиц названа Лагерной.

Я сдружился с молодым инженером-строителем Колодкиным Николаем Михайловичем. Он работал инженером по технадзору в отделе технического надзора Управления строительства. В этом же отделе инженером по технадзору за сантехническими работами была моя тетушка Соловьева Васса Николаевна, а инженером по надзору за дорожными работами был Байдуков – отец известного летчика, Героя Советского Союза Георгия Байдукова, второго пилота в экипаже Валерия Чкалова. Они совершили в 1937 году перелеты: Москва – остров Уда (теперь остров Чкалова в Тихом океане) и Москва – Америка через Северный полюс.

Приятель мой Николай Колодкин жил на территории водонапорной башни. Башня в то время была огорожена высоким забором и охранялась воинским подразделением. Внутри ограды стояла воинская ка-

зарма и несколько домов. В одном из этих домов и жил Колодкин. Квартира, кажется, принадлежала его жене, которая имела какое-то отношение к этому хозяйству.

Колодкин был худощав, белобрыс, молод и всегда прищуривал глаза.

Полученные нами шинели мы с ним сразу же отдали перешить на комсоставские. Перешили их в нашем же батальоне, так как были у нас и портные, и сапожники, и скорняки. Пуговиц желтых на шинели мы нигде не нашли, а достали белые. Это нам очень не нравилось, так как сразу выдавало наше недавнее «военное происхождение». Нам же хотелось, чтобы мы не выделялись среди кадровых военнослужащих.

После действительной службы в армии мне было присвоено звание «младший воентехник запаса», а по должности я был старшим воентехником. Я раздумывал, три «кубаря» мне прицепить на петлицы, по должности, или один, согласно воинскому званию и в соответствии с уставом. Прицепил по одному на петлицу.

Колодкин же прицепил по «шпале», что соответствовало званию: инженер третьего ранга, хотя он вообще не был аттесто-

ван. Но считал, что раз он по образованию инженер, то носить «кубари» ниже его достоинства. Эта слабость к большим званиям искупалась его замечательным характером и объяснялась его молодостью.

3

«Смутное» время

В должности старшего техника стройбата ходить пришлось недолго. И делать практически нам там было нечего, так как стройбаты работали на строительстве, где и без нас хватало и мастеров, и прорабов. И стал я кочевать из одной строительной конторы в другую: 20-я, 7-я. Поругавшись с начальником 7-й, был уволен «по сокращению штатов», чего, кстати, он не имел права делать, так как я был военнослужащий и не был в его подчинении по штату. Определился вновь в сметный отдел, числясь по штату за стройбатом.

В это время на площади Калинина обосновался эвакуированный из Ленинграда электроламповый завод «Светлана». Завод готовился к выпуску военной продукции. Реконструкцию его и расши-

рение передали в ведение Управления строительства комбината № 179. На этот завод вскоре я был откомандирован в качестве сметчика.

К этому времени стройбаты были уже преобразованы в «Рабочие колонны» – подразделения гражданского типа, работавшие по мобилизации. И хотя «Рабочие колонны» жили на казарменном положении, личный состав их ходил в гражданской одежде.

Работая на «Светлане», мне приходилось рано вставать, в 6 часов. Надо было успеть на пригородный поезд, затем от Новосибирского вокзала доехать трамваем до переезда (теперешний путепровод через Красный проспект), а дальше городской транспорт не ходил, и надо было идти пешком.

Начиная с самого зачисления нас в строительный батальон, мы с Колодкиным каждую неделю ходили в Кировский военкомат к начальнику 3-й части старшему лейтенанту Петрушенко с просьбой отправить нас хоть «к черту на рога», только вытащить из стройбата, не позорить нас, молодых и здоровых. Говорили, что нам стыдно ходить в военном обмундировании и смотреть людям в глаза, когда в каждой

семье, или почти в каждой, кто-то воюет, а кто-то уже погиб. И, наконец, в июне 1942 года я получил предписание, в соответствии с которым я направлялся для прохождения учебы в Кемеровское пехотное училище. Колодкин же оставался «при старых интересах». Больше я его не видел и не знаю, уцелел он или нет в войне, если попал на поля сражений. Или работал в тылу, что маловероятно.

4

Кемеровское пехотное училище

Пехотное училище, обнесенное изгородью из колючей проволоки, находилось на окраине города, на берегу речушки Искитимки. Там сейчас Кемеровское военное училище связи. Внутри «колючего» четырехугольника с воротами и контрольно-пропускным пунктом стояло несколько кирпичных и деревянных зданий различного назначения: казармы, штаб, столовая, клуб и т. д. В казармах стояли двухъярусные железные кровати. Ничем другим эти казармы не отличались от казарм в Комсомольске-на-Амуре.

В училище было несколько сот курсантов и до сотни средних и младших командиров – штат училища. Среди курсантов было также около десятка офицеров: воентехников, интендантов и других специальностей, направленных сюда на переквалификацию в строевых командиров.

Права и обязанности рядовых курсантов и курсантов из офицеров были одинаковы. Разница состояла только в денежном довольствии. У рядовых курсантов оно составляло 8 или 11 рублей (точно не помню), у курсантов-офицеров – 550 рублей в месяц.

Дисциплина одинакова для тех и других. Была она очень жесткой, гораздо жестче, чем в обычной строевой воинской части. Строго соблюдались правила обращения рядового курсанта к командиру: подход, приветствие, не доходя до него трех шагов, отход, повороты и т. д. Все это надо было выполнять строго по уставу. И не только четко, но и красиво. Бывало, по 5–10 раз тот или иной командир заставит курсанта правильно подойти, обратиться и отойти. И обычно чем меньше командир, тем больше с курсанта спросу.

Сутки курсантские были очень напряженными: занятия классные, на полигоне, строевые и т. д. Каждую неделю – ночные, по тревоге, марш-броски километров по 20 с полной выкладкой. И, как правило, едва только успеешь заснуть, дневальный кричит: «Тревога! В ружье!»

Утром на марше, когда взойдет солнышко и начинает пригревать, разморит тебя от жары и усталости. Идешь и спишь на ходу, в буквальном смысле этого слова. Сползет ремень винтовки с плеча, ударится приклад ее о землю – проснешься, а через несколько минут спишь опять.

После броска – классные занятия. Разморенные усталостью и летней жарой, сидим, плохо соображая, о чем говорит преподаватель. Нередко в классе раздастся храп или стук падающего на пол тела. Значит, кто-то заснул. Слышится команда преподавателя:

– Встать! – вскакиваем, как встрепанные.

– Садись!

Взбодренный класс некоторое время слушает, но вот опять:

– Встать!

– Садись!

И так в течение часа несколько раз.

Тактике учили нас еще по старым уставам: развертывание роты, взвода – уступом, отделения – змейкой. Учили и другим премудростям тактики, давно уже, как показали первые же дни войны, не пригодной в современных условиях боя. Да и вряд ли она была когда-либо пригодной. И только лишь тогда, когда в училище стали прибывать офицеры с фронта из числа командного и преподавательского состава училища, изменили обучение тактике боя.

Широкую популярность вновь получило развертывание подразделения в цепь при наступлении, передвижение по-пластунски.

На вооружении у нас в стрелковом подразделении были винтовки СВТ – самозарядные винтовки системы Токарева. В магазин заряжалось 10 патронов. Винтовка хороша для стрельбы в тире, но совершенно не пригодна в полевых условиях. Малейшее попадание пыли, песка в механизм этой винтовки – и отказ в стрельбе обеспечен. В дальнейшем она была снята с вооружения.

Хотя физическое напряжение курсантов было очень велико, питание осуществ-

лялось по нормам тыловой воинской части. Народ был молодой, здоровый. Потерянные калории требовалось восстанавливать. Того, что мы получали в нашей столовой, не хватало. Ходили мы всегда голодные, с надеждой где-то что-то «урвать».

Обеденный зал столовой оканчивался длинным узким окном, прикрытым со стороны кухни деревянным навесным ставнем. Через это окно из кухни в обеденный зал подавались бачки со щами, кашей, чай в больших жестяных чайниках. Со стороны кухни у раздаточного окна была широкая полка, на которой стояли бачки и чайники.

Голодные курсанты ухитрялись «уводить» бачки из-под носа повара или дежурного на раздаче. Делалось это так. Подходят к раздаточному окну, прикрытому ставнем, двое. Один поднимает ставень, другой хватает бачок, и оба бегут к столу. Пока повар или дежурный бежит кругом, через дверь, в обеденный зал, суп или кашу успеют уже, передавая от одного к другому или от стола к столу, разделить. Наказания никто не боялся. Дальше фронта все равно не пошлют, а фронта не миновать. И чем скорее, тем лучше.

На фронт рвались все. Уж больно трудно давалось учение. И хотя справедлив тезис «тяжело в учении – легко в бою», который нам ежедневно приходилось слышать, все хотели поскорее попасть на фронт. Я ни разу не слышал, чтобы за кражу бачка с едой кого-либо наказали.

Увольнительных в город не давали. За все время моего пребывания в училище нас один раз водили в цирк. Но многие курсанты ухитрялись «увольняться» сами через дыру в проволочном заграждении, возле которого в воскресные дни шла оживленная торговля кое-какой снедью, главным образом из картофеля, и табаком-самосадом. Спичечный коробок самосада стоил 5 рублей, стакан – от 30 до 40 рублей. Здесь же происходили свидания с родственниками, если они жили в Кемерово, со знакомыми.

5

Катя

Катя, или Екатерина Павловна, – это родная сестра моей жены. В молодости была очень миловидной женщиной с румянцем и ямочками на щеках, с живыми кари-

ми глазами. В дни моей курсантской «страды» Катя была для меня добрым ангелом в образе живой женщины. Каждое воскресенье с полной корзиной всякой еды поджидала она меня у колючего забора. Обычно это бывало перед обедом. В это время у нас был небольшой отдых. Через верх забора принимал я корзину с едой, вынимал из нее содержимое, распихивал его в казарме куда придется, лишь бы оно не было на глазах у ротного начальства, и возвращал обратно пустую корзину. Потом шел в столовую перекусить и основательно наедался по возвращении тем, что принесла Катя.

Был у меня приятель по отделению – интендант запаса третьего ранга Хромцов. До войны он был преподавателем Красноярского лесотехнического института. Способностей к военным наукам у него не наблюдалось, но аппетит был отменный. Сколько бы он ни ел, голодный блеск из его глаз не исчезал. Приносимое Катей я не мог есть один, видя этот голодный взгляд, поэтому корзины еды нам хватало на два «присеста».

Прав Астафьев, автор повести «Последний поклон», говоря, что «хлебосольство

в сытое время ничего не стоит, а в голодное – ему нет цены». Безмерна моя благодарность Кате за ее хлебосольство в голодное время по отношению к чужому, по существу, для нее человеку.

По окончании училища получили мы с Хромцовым разные направления, и дальнейшая судьба этого сугубо штатского человека, волею судьбы ставшего военным, мне не известна.

6

Чрезвычайное происшествие

На втором месяце моего пребывания в училище случилось чрезвычайное происшествие – из училища дезертировал курсант. Дезертирство из армии в военное время, а военное училище – это армия, грозило совершившему его тяжелыми последствиями, вплоть до расстрела.

Нас, несколько курсантов, отправили на розыск дезертира. Тяжело было заниматься этим, сознавая, что, если поиск будет успешным, пойманному грозит смерть. Дезертира нашла другая группа на одной из железнодорожных станций недалеко от

Кемерово. Он был судим трибуналом и приговорен к расстрелу. Такая же участь постигла другого курсанта, «нечаянно» отрубившего себе указательный палец на правой руке.

Законы военного времени суровы, хотя и справедливы.

7

Госпиталь

С детства я страдал грыжей. По этой причине я не стал поступать в Красноярский водный техникум, хотя желание стать водником было огромное. И сейчас еще жалею, что не стал добиваться осуществления своей мечты. Надо было сделать операцию.

Большие физические нагрузки в училище сделали свое дело. Стало ясно, что без операции не обойтись. В сентябре я попал в госпиталь. Госпиталь помещался в каменном двухэтажном здании школы на правом берегу Томи. Я часто бывал там: бродил зимой на лыжах, когда учился в техникуме, навещал в Горноугольном техникуме своего дядю Ивана Николаевича Соловьева.

Теперь он был уже на фронте, воевал в Кавалерийской части, сформированной осенью 1941 года в городе Татарске. В госпитале лежали в основном раненые, привезенные с фронта, и лишь несколько человек, вроде меня, из тыловых частей и училища. Сделали мне операцию под местным наркозом, но в ране остались нитки. И рана стала гноиться. Пришлось ее чистить. Поэтому вместо 10–12 дней я пробыл в госпитале почти месяц.

Фронтовики относились к нам, тыловикам, по-братски, понимая, что и наш черед не далек. Питание было одинаковое для всех, только табак нам не выдавался. Фронтовики получали его и делились с нами.

В сентябре приехала Валя с ребятишками и остановилась у своей сестры Кати. Я взял «увольнительную» через дыру в колючем заборе и побывал у них.

8

В Московском резерве

Обстановка на фронте, по-прежнему, была напряженная. Еще в июле нас в училище ознакомили с приказом № 227 Вер-

ховного главнокомандующего И. В. Сталина от 28 июля 1942 года. Войскам приказывалось на фронте стоять насмерть. Вводились заградительные отряды, которые вылавливали дезертиров, задерживали военнослужащих, которым положено быть на передовой, а не во вторых эшелонах.

В июле или августе 1942 года из курсантов училища была сформирована маршевая рота и без присвоения званий отправлена на фронт.

В начале ноября сдавала экзамены и наша рота. Экзамены для меня прошли успешно. Всего нескольким курсантам, и мне в их числе, было присвоено воинское звание «лейтенант». Большинство курсантов получили звание «младший лейтенант», а некоторые даже звание «старший сержант».

Выдали нам новое летнее обмундирование: хлопчатобумажная гимнастерка, такие же брюки, шинель. Но вместо пилоток – шапки. И из двух пар нижнего белья одна пара была теплая.

Вскоре мы выехали в Москву пассажирским поездом. Небольшую группу нашу, состоявшую из 6 или 8 человек, сопровождал капитан из штаба Сибирского военно-

го округа. Проезжая через Новосибирск, мне удалось попрощаться с семьей, мамой и сестрой в домашних условиях, а не на вокзале. Как мне удалось это сделать, сейчас уже в памяти не сохранилось. Ехали хорошо. Капитан оказался хорошим человеком, а мы все еще чувствовали себя воспитанниками – курсантами.

В Москве я был впервые. Столица была по-военному суровая и деловитая. На окраинах города – «ежи» из рельсов против танков, в небе по ночам – аэростаты воздушного заграждения. Стекла окон исчерчены полосами наклеенной бумаги, окна вечером наглухо зашторены. На улицах много военных, маршируют колонны ополченцев.

Офицерский резерв размещался в большом здании в районе Чистых прудов.

Москву я и сейчас знаю плохо, хотя и бывал в ней не один раз после войны, но двигался больше под Москвой, в метро.

Привезя нас в Москву, наш капитан договорился с начальником резерва, чтобы нам, сибирякам, никогда не бывавшим в столице, дали увольнение для знакомства с городом. И отбыл обратно. Наше расставание

с капитаном было теплым. Ведь нас ожидали не блины у тещи, и он это прекрасно понимал.

В резерве мы пробыли около недели в полном безделье и малой радости. Помещение не отапливалось. Спали, укрывшись шинелями, а также одеялами и матрацами тех, кто уже уезжал из резерва в часть.

Кормили плохо. Ужин был без хлеба.

9

Комендатура на Петровке

В один из дней нашего недолгого пребывания в резерве мы получили увольнительные для знакомства с Москвой. Почистившись и придирчиво осмотрев «заправку» друг друга, отправились в город.

Был в нашей команде младший лейтенант Соловьев Иван Николаевич, полный тезка моему дядюшке. Звание он получил при аттестации в Кемеровском пехотном училище. Соловьев предложил такой вариант нашей прогулки: идем на ближайший рынок, продаем одну пару белья. На каждом из нас было надето по две пары. Одна «лишняя»: в части все равно заберут.

На вырученные деньги покупаем 0,5 литра водки. А там будет видно, где и когда ее выпить.

«Лишнюю» пару белья мы продали, не доходя до рынка, какой-то старушке за пол- литра водки. Зашли в один из ближайших подъездов, где Соловьев разделся, снял с себя «лишнюю» пару и отдал старушке. Водки у нее с собой не было, и она повела нас к себе на квартиру. Получив водку, тут же выпили, закусив солеными огурцами, которые выпросили в придачу к водке. Водки досталось меньше, чем по сто граммов на каждого. Решили дойти до рынка. Как только мы зашли на рынок, моментально были задержаны военным патрулем и доставлены в военную комендатуру на Петровке.

«Служивых» во всяких званиях там был уже полон зал. Кто курил, кто дремал, ожидая очереди, когда его вызовут к дежурному по комендатуре. Мы тоже присели, а старший патруля пошел докладывать коменданту о нашем «прибытии». Когда мы сидели в зале, то наблюдали такую картину: быстро формировались команды из задержанных и во главе с младшими или сред-

ними командирами комендатуры уходили на хозяйственные работы или на строевые занятия.

Вскоре нас пригласили к коменданту. Поскольку в нашей команде был старший, мы доверили ему объясняться с комендантом по поводу нашего задержания. Вернулся он в сопровождении младшего лейтенанта комендатуры, который, огласив приказ коменданта: «Три часа строевых занятий», повел нас во двор «для дальнейшего прохождения службы».

В первый же перекур после порции строевого шага, поворотов и команд «кругом», «младший» начал нас расспрашивать, где нас задержали и откуда мы. Был удивлен, узнав, что мы из Сибири. Сам он был москвич, и ему казалось, что Сибирь где-то на краю света, что в Сибири вечные снега и медведи чуть ли не бродят по центральным улицам сибирских городов. Попросив нас рассказать кое-что о Сибири, что мы охотно сделали, он, на секунду-две задумавшись, сказал:

– Вот что, ребята, раз вы из Сибири и в Москве впервые, то «под строем» шагайте в свое расположение.

Сказав это, он отпустил нас с миром и даже на прощание помахал рукой. Без всяких дальнейших приключений мы «под строем» благополучно прибыли в свое расположение. На этом наше знакомство с Москвой и закончилось. Вскоре мы отбыли из Московского резерва на фронт, получив на дорогу по паре белых, как снег, батонов и по килограмму довоенных шоколадных конфет.

10

Все дороги ведут на фронт

Ночью наша команда, состоящая из 8 или 10 человек, воинским эшелоном «на Саратов» выехала на фронт. Под вечер следующего дня мы уже были в небольшом городишке Ртищеве. Как только эшелон остановился на станции, мы побежали на продпункт подкрепить свои силы едой. От батонов остались только приятные воспоминания да сожаления, что они были малы. Столовая продовольственного пункта была на перроне несколько впереди вокзала. Через несколько минут мы уже хлебали суп из горохового концентрата. В окно столо-

вой видно было, как тронулся какой-то эшелон, за которым бежала группа отставших красноармейцев.

– Эко, бедняги, – пошутил кто-то из нас, – и погулять не дали.

– Братва, да ведь это же наш эшелон! – крикнул один из офицеров, ехавший вместе с нами в вагоне.

Все, кто сидел в столовой, ринулись в дверь. Кто-то успел сунуть официантке, сидевшей с тазом у входа, ложку и получить назад свою десятку, а кто-то побежал с ложкой. Чтобы получить в столовой ложку, надо было в залог отдать 10 рублей, даже если идешь со своей ложкой.

Бегу я в пяти шагах за последним вагоном. Силы уже на исходе, но расстояние между нами, хотя и медленно, сокращается. Вдруг животом ударяюсь о рычаг переводной стрелки и падаю, а красный огонек последнего вагона удаляется от меня. Встаю, потирая ушибленный живот и колено. Соображаю, что делать дальше.

Уже сумерки. Иду к вокзалу. Оказывается, отстал не только я. Вскоре нас собирается человек 6–8. Идем к военному коменданту, объясняем, что отстали от эше-

лона «на Саратов». Пожилой капитан обещает отправить нас утром на пассажирском поезде, а пока мы «свободны». Что делать? На улице свежо и темно. Город затемнен. Вокзал забит людьми, как бочка селедкой. На полу, на подоконниках, на шкафах и прилавке буфета – всюду спят или просто лежат люди всех возрастов. А о диванах уж и говорить нечего!

Выходим на улицу. Кому-то из нас приходит в голову мысль пойти в городскую баню погреться, помыться и время скоротать. Прохожий городского вида растолковал нам, как найти это «теплое» место. Спотыкаясь и чертыхаясь в темноте, находим городскую баню. Отогрелись, помылись. В бане надо пробыть подольше, чтобы меньше пришлось топтаться на перроне. Даем банщику «взятку» – осьмушку маршанской махорки, получаем еще час тепла. Потом банщик говорит, что приближается комендантский час, после которого хождение по городу без специальных пропусков запрещено. Мы нехотя одеваемся и выходим на улицу, в темноту и слякоть. Почти на ощупь двигаемся к вокзалу. Негромкий оклик:

– Стой! – подходит военный патруль. – Кто такие? Откуда и куда идете?

Старший патруль при свете зажженной спички проверяет наши документы. Отпускают с наказом идти на вокзал. Часов в одиннадцать на станцию Ртищев прибывает пассажирский поезд «Москва – Саратов». И через несколько минут, посаженные в него военным комендантом станции, мы едем в Саратов.

После войны мне несколько раз приходилось проезжать Ртищев, и всегда приходил на память 1942 год. Ночь, забитый до отказа людьми вокзал, баня, где мы старались убить время.

В Саратове мы нагнали свой эшелон. Где-то недалеко от вокзала, в здании артиллерийского или танкового училища временно разместился весь личный состав эшелона. Не помню, по какой причине, но мы, приехавшие пассажирским поездом, остановились на частной квартире. Как сейчас помню этот дом с высоким фундаментом из плитняка на берегу Волги. Хозяйка квартиры – пожилая немка. Вся семья ее выслана куда-то в Сибирь, она оставлена по болезни. В Саратове жили день или два.

Побродили по городу. Были на какой-то площади, где стоит памятник, кажется, Чернышевскому. Побывали на базаре, за 30 рублей купили булку белого хлеба.

В Саратове мое внимание привлекли большие номера трамвайных маршрутов, что, по-видимому, свидетельствовало о широкой сети трамвайного транспорта, и крытый перрон вокзала, как бы свидетельствующий о сложившемся благополучии и благоустроенности быта горожан. Я раньше знал об этом городе только из уроков географии, истории и «Саратовских страданий» под аккомпанемент саратовских гармоней.

Следующая остановка была в г. Камышине. В этом городе родился прославленный летчик, герой Отечественной войны Алексей Маресьев. Камышин известен своими арбузами. Стоял декабрь, и арбузов уже не было. Но хозяйка квартиры, в которой мы жили два дня, выкатила из-под кровати огромную тыкву. Под кроватью умещалось всего две или три тыквы-исполина. Тыква долго распаривалась в духовке, а потом хозяйка варила из нее кашу и угощала нас кашей и пареной тыквой. Еда – пальчики

оближешь. Камышин мне показался пыльным, насквозь продуваемым всеми ветрами. Но тыквы и арбузы там отличные. Арбузы я ел раньше, до войны.

Дальше Камышина поезда не шли. Дорога была «перерезана» немцами. Нам предстояло добираться до штаба фронта, который, по слухам, находился в городе Калач-на-Дону, на попутных машинах или пешком.

На третий день нашего пребывания в Камышине мы распрощались с гостеприимной хозяйкой и пошли на «большую дорогу». По нашей просьбе регулировщик остановил трехтонку, идущую порожняком. Мы взобрались на нее и, коченея от холода в своем летнем обмундировании, поехали к фронту. Через полчаса почувствовали, что превращаемся в сосульки, и заколотили по кабине. Сползли с машины и долго еще не могли совладать со своими ногами. Казалось, вся кровь в них застыла. После этого мы не пытались уже садиться на обгонявшие нас машины и весь путь до передовой, а это многие десятки километров, проделали пешим порядком. Расстояния, проходимые нами за день, «регламентировались»

продпунктами. Обычно, от продпункта до продпункта.

Придя в очередной населенный пункт, мы выбирали дом «поприглядне», а деревни на нашем пути были мало разрушенные, некоторые были совсем целые. Шли в продовольственный пункт. Получали по продовольственным аттестатам на команду продукты. По аттестатам продукты выдавались без денег. Это были концентраты. Чаще всего – всеми нами любимый гороховый. Брали у хозяйки ведро и варили гороховое пюре. Съедали ведро горячего горохового пюре и, разморенные теплом помещения, набитыми желудками, ложились спать. Время суток не имело значения. На другой день двигались дальше. Так дошли мы до хутора Вертячий, пройдя пешком более 150 км.

Вертячий – первый населенный пункт на нашем пути, где последствия недавних боев были зримы: сожженные дотла деревянные постройки, кроме одного дома, чудом уцелевшего, почти занесенная снегом разбитая сгоревшая военная техника, танки немецкие и наши, самоходные артиллерийские установки «Фердинанды» – результат сентябрьских танковых боев 1942 года.

Заглянув в пролом в броне одного немецкого танка, увидели обгорелые останки его экипажа. Пролом, видимо, образовался от угодившей в боковую броню советской противотанковой «болванки».

Хутор Вертячий в голой степи. Мороз и пронизывающий до костей ветер. Зашли в уцелевший домик. Там уже грелась какая-то маршевая рота. Теснота. Бойцы стоят, прижавшись друг к другу. Втиснулись и мы.

В сумерках были в Песковатке. Отсюда до Сталинграда по прямой примерно 50 км. На востоке сполохи пожаров и непрерывный гул артиллерийской канонады, хотя и ослабленный расстоянием. Заночевали в какой-то яме, накрытой палаткой и соломой.

К вечеру следующего дня подошли к Калачу – небольшому деревянному городку на левом берегу Дона. В штабе фронта нашу команду расчленили по армиям. В новой нашей команде, состоящей уже из трех или четырех человек, остался прежний ее старший и, что самое важное, аттестат на прежнее количество ее членов. Остаток пути, пока мы добирались до дивизии (день или два), вели «роскошную» жизнь: было изобилие еды.

Теперь мы шли уже по выжженной войной земле: сгоревшие или разрушенные непрерывной бомбежкой селения, побитые машины, трупы вражеских солдат и офицеров. При виде поверженного врага радовалось сердце. Но чем ближе мы подходили к местам недавно отгремевших боев, тем чаще стали попадаться трупы наших воинов, что, конечно, сказывалось на нашем настроении отрицательно.

Когда мы шли из штаба дивизии в полк, из нашего «тыла» появились два самолета, летящие в сторону Сталинграда. Наши? Вот самолеты над нами. На фюзеляжах истребителей – желтые кресты. Поняли – враг, но слишком поздно. Голая степь, скрыться некуда. Самолеты на «бреющем» пронеслись низко над нами. Видны головы пилотов и кулаки, грозящие нам. Видимо, мессершмитты возвращались из нашего тыла, где они израсходовали весь боекомплект, и стрелять в нас им просто было нечем.

Очень скоро по звуку мотора мы научились определять не только, наш это самолет или немецкий, но и его назначение: истребитель, бомбардировщик или развед-

чик. Научились распознавать, упадет мина или снаряд там, где мы находимся, или перелетит. Научились не кланяться просвистевшей пуле.

Постигается это очень быстро и в памяти остается на всю жизнь.

Сейчас уже не вспомню, в каких штабах и сколько мы провели времени. Но помню, что прежде, чем попасть на передовую, в каком-то из штабов мы жили в помещении, которое было когда-то раньше или летней кухней, или кухней для приготовления пищи животным. По вечерам мы топили кизяком печь. На кизяке было и наше спальное «ложе».

В ночное время мы слышали характерное только для немецких бомбовозов и транспортных самолетов прерывистое гудение авиационных моторов, то возрастающее, то затухающее. Это немцы везли из окруженного Сталинграда своих раненых, а в город – продукты питания. Часто их сбрасывали на парашютах и, когда кольцо окружения сжалось, продукты (хлеб, консервы) падали в расположение наших войск. Хлеб, судя по этикеткам, был выпечен в 1939–1940 годах.

Вечерами мы выходили на улицу из своей «гостиницы» и наблюдали за летящими на большой высоте немецкими самолетами, за разрывами зенитных снарядов, которыми наша зенитная артиллерия обстреливала самолеты. Однажды пришлось видеть, как подбитый фашистский транспортный самолет развалился в воздухе, и из него посыпалось содержимое – люди, падавшие на землю вместе с обломками машины.

Днем мы ходили на дивизионную кухню за завтраками, обедами и ужинами, а также за 100 граммами «наркомовской» водки, которую выдавали солдатам и офицерам в зимнее время. В штабе полка, в который мы прибыли в конце декабря, пришлось заночевать в яме, накрытой железным листом. В яме стояла железная печурка, сделанная из бензиновой канистры, и топилась она толом. Сидевший в яме солдат топориком выковыривал тол из противотанковой гранаты.

Наконец мы прибыли в 120-ю строительную дивизию 289-го строительного полка «для дальнейшего прохождения службы».

Командиром полка был майор Бондарь, комиссаром – майор Король, начальником штаба – лейтенант Русаков.

С начальником штаба отношения у нас не сложились с первого же часа. Я не по-уставному доложил ему о своем прибытии в часть. Это ему не понравилось, и он сделал мне внушение. В дальнейшем наши отношения ухудшились еще более, когда на офицерских занятиях, которые он проводил уже после Сталинградского сражения, я поправил его ошибку в определении обратного азимута. Лейтенант был очень самолюбив. Этой поправки в присутствии двух десятков офицеров он мне простить не смог.

Несколько человек из нас, вновь прибывших в полк офицеров, командных должностей не получили. Потому ли, что командование полка не хотело менять что-либо накануне наступления, или не было вакантных мест – не знаю. Во время наступления мы шли в боевых порядках войск как рядовые стрелки, отвечая каждый только за себя. Не знаю, как бы сложилась моя судьба, если бы я занимал командную должность, скорее всего командира взвода. Во время наступления судьба была милостива

ко мне, и из сражения я вышел без единой царапины, хотя в тылу не находился. Правда, и первым в окоп не врывался.

После окончания Сталинградской битвы, не будучи связан с выполнением командирских обязанностей, я располагал в изобилии свободным временем. Имел возможность осмотреть город, беседовать с военнопленными и жителями Сталинграда, которых, правда, было очень немного. Эта возможность была использована мною на все сто процентов. И если бы писать обо всем виденном и слышанном в Сталинграде, о своих впечатлениях, то потребовалась бы не одна лишняя страница и не один час времени. Но моя цель – писать главным образом не о впечатлениях, а о фактах и событиях, участником или свидетелем которых я был.

Тетрадь № 5

В ПОХОДАХ И БОЯХ

1

О дневниках

Вести дневники на фронте запрещалось из соображений сохранения военной тайны: дневник мог попасть в руки врага.

Помнится такой случай. Наш полк стоял на переформировании на селекционной станции в селе Айдарово Воронежской области. В минометной роте батальона № 1 у меня был приятель Саша Бусалаев. Он был родом из г. Болотное Новосибирской области. В свободное время я часто захаживал в минроту. Меня там все хорошо знали, привыкли, считали своим человеком. Однажды я был дежурным по пол-

ку. И вдруг в минроте чрезвычайное происшествие: старший сержант ранил бойца. Приказ командира полка – арестовать старшего сержанта и доставить в штаб полка. Иду.

Старший сержант «на гражданке» был инженером-строителем. Мы не раз вели с ним задушевные беседы. Выстрел этот был случайным. Он объяснял солдатам устройство немецкого пистолета «парабеллум». Сидели на улице «в кружок». Моросил мелкий дождик, и пистолет был влажный. При постановке в боевую готовность затвор выскользнул из рук. Раздался выстрел, и пуля попала в живот одному из солдат.

Когда я арестовывал старшего сержанта, которому грозил трибунал, он передал мне свой дневник и попросил его сохранить. Дневник свой он вел с первого дня пребывания на фронте. Я взял дневник, но долго хранить его мне не пришлось. Ранение солдата оказалось легким, касательным. Старшего сержанта освободили из-под ареста, наложив дисциплинарное взыскание. Но несколько дней я все-таки за этот дневник переживал.

В одном из первых боев после формирования Саша Бусалаев погиб. Налетели немецкие самолеты, сбросили бомбы. Прямое попадание в окоп, в котором находился Саша. Гвардии лейтенант Бусалаев и расчет, которым он командовал, перестали существовать. Даже хоронить было нечего: лишь клочья шинели на деревьях да куски мяса, разбросанные взрывом вокруг окопа.

Вести дневник не позволяла и сама обстановка – не было времени. И даже если бы я его вел, он не сохранился бы после моего ранения. Но когда я уже лежал в госпитале, и дело шло на поправку, а тем более, когда вышел из него, записи о фронтовых событиях можно и нужно было сделать.

Память человека несовершенна, с годами слабеет. Теперь, через 35 лет, многие детали стерлись, и их уже не восстановить. И, начиная записывать события тех далеких дней, я очень жалею, что не сделал это своевременно. Когда у меня появился внук, пришло желание рассказать ему коечто из моей жизни, в том числе и из фронтовой.

2

Сталинградская битва

О Сталинградской битве много написано, много отснято документальных и художественных фильмов, много рассказано устных историй. Мое повествование – капля в море, и далеко не самое интересное, но это кусок, хотя и небольшой, моей жизни, без которого нет целого.

Как известно, 19 ноября 1942 года советскими войсками было завершено окружение группы немецких войск в Сталинграде. Там находилась 6-я армия в количестве 330 тысяч человек под командованием генерала-фельдмаршала Паулюса.

До 10 января 1943 года фронт стабилизировался. Велись лишь небольшие военные действия, характерные для обороны. Паулюсу 8 января 1943 года был предъявлен ультиматум о безоговорочной капитуляции, срок которого истекал 10 января в 00 часов. На передовой на полную мощность работали радиоустановки, по которым немецкие антифашисты из числа коммунистов-эмигрантов и немецкие военнопленные призывали окруженных к капиту-

ляции во избежание напрасного кровопролития.

Но ответа от немцев не последовало.

На рассвете 10 января после артиллерийской подготовки советские войска перешли в наступление. Было довольно тепло, немного пуржило. Наши цепи успешно продвигались вперед. Пленные немцы говорили, что генеральное сражение будет дано на ближних подступах к городу и в самом Сталинграде, после чего немецкие войска капитулируют. Сейчас они будут вести только арьергардные бои, стягивая основные силы к городу.

Наш 289 полк 120 дивизии, как и вся дивизия, а возможно, и вся 24 армия (дивизия входила то в 666, то в 24 и 21 армии), шел с запада от села Среднецарицынского трассой, близкой к трассе теперешнего канала Волга – Дон. Не доходя до города, повернул на север в направлении станции Гумрак, что в 10 км от Сталинграда.

На теперешней карте Волгоградской (бывшей Сталинградской) области многих населенных пунктов нет. Их, видимо, снесли в связи с прохождением трассы канала Волга – Дон. Нет и Среднецарицынского.

Но Мариновка, Рогачин, Карповка, которые брались с бою, есть и поныне.

В Карповке я впервые увидел в работе наши «катюши» – гвардейские минометы, стрелявшие реактивными снарядами – ракетами. Зрелище было впечатляющим. «Катюши» стояли на площади села, возле церкви, и посылали свои «гостинцы» далеко в расположение немецких войск. Оттуда приглушенно слышалась дробь частых разрывов. После каждого залпа, сопровождавшегося страшным шумом, напоминавшим выпуск излишков пара мощной ТЭЦ, все вокруг окутывалось дымом, а вдаль летели огненные стрелы ракет. «Катюши», чтобы их местонахождение не определил враг, после залпа меняли позицию или мчались в тыл. Смонтированы они были на автомашинах.

Перед Карповкой я впервые увидел немецкое кладбище – ряды березовых крестов. Кресты эти, как их владельцы когда-то, стояли шеренгами. Десятки рядов с сотнями крестов в ряду. Если учесть, что под каждым крестом было не менее десятка гитлеровцев, то получается, что захоронено на этом кладбище было не-

сколько тысяч солдат и офицеров – «завоевателей».

В одном из домов наши ноги погрузились в немецкие бумажные деньги – марки. Их тоже было не меньше тысячи. Видимо, в том доме помещалась какая-то финансовая часть.

С каждым днем наступление советских войск наращивало темп: Мариновка, Карповка, Лагерь Ворошилова. В этом населенном пункте полк был уже в сумерках. Вдвоем с младшим лейтенантом Трусковым мы пошли к штабной походной кухне получать ужин. В небе со стороны Сталинграда показалось звено – три самолета. Гадаем, чьи они.

Самолеты уже над нами. От самолетов, идущих на сравнительно небольшой высоте, отделяются темные предметы. Они некоторое время летят по курсу самолетов в горизонтальном положении, затем принимают вертикальное положение и падают вниз, похожие на большие капли, быстро увеличивающиеся в размерах. Через секунду-две метрах в 200–300 позади нас – обвальный грохот от разорвавшихся авиабомб. А еще через минуту самолеты исчезают. Дым и пыль, поднятая взрывом, окутыва-

ют место падения бомб. Убито несколько лошадей, человеческих жертв нет. Это наше «крещение» бомбежкой.

Мы заметно возбуждены случившимся. Больше вражеские самолеты в этот день не появлялись.

Позже в окопах или ровиках на марше мы уже гораздо спокойнее реагировали, когда девятка или две «юнкерсов», встав в круг, пикировали на окоп или ровик по очереди. Только прямое попадание в окоп или бомба большого веса, разорвавшаяся в непосредственной близости от него, угрожает жизни солдат.

Балки Черемушка, Студеная, Яблоневка, населенные пункты Лагерь Ворошилова, железнодорожная станция Гумрак – рубежи обороны немцев, которые нам приходится брать. Немецких танков уже не видно. У немцев нет горючего. Вся их техника занесена снегом в поле. Тысячи машин, тягачей стоят в снегу и в сумерках кажутся большими населенными пунктами, неожиданно возникающими на нашем пути.

Авиация немцев еще действует с единственного оставшегося у них аэродрома в Гумраке. Второй, в Воропоново, – уже в на-

ших руках. Зато артиллерия немцев и минометные подразделения ведут довольно интенсивный огонь. Со звоном лопаются бризантные снаряды, коротко хлопают мины.

Наша артиллерия бьет как с переднего края, так и из глубины тыла наших войск. Ее снаряды где-то в выси, шурша, проносятся над нашими головами и рвутся так далеко в немецкой обороне, что разрыва не слышно. После первых двух дней нашего наступления, когда было сравнительно тепло, похолодало. Мороз градусов 25 с ветром. Люди и лошади в куржаке. Противотанковые ружья, которые несут расчеты, 1-й и 2-й номер, покрылись инеем.

Появляются первые пленные. Это румыны. Сначала единицы, а потом-толпами. Без конвоя бредут они в наш тыл, черные, обросшие бородами, в высоких шапках, время от времени выкрикивая:

– Антонеску капут! Гитлер капут!

Какой-то румынский солдат, видя, что я офицер, предлагает себя в денщики. И так назойливо, что только мой резкий окрик заставляет его отказаться от попыток «трудоустройства».

От Гумрака до Сталинграда 10 километров. С Гумракского аэродрома, буквально на расстоянии полкилометра от передовых наших подразделений, взлетает «юнкерс», но, не успев подняться, падает, сбитый нашей зениткой. Между прочим, немецкие самолеты часто сбрасывали листовки с предложением сдаваться им в плен. Даже тогда, когда они были окружены, и наши войска успешно сжимали кольцо окружения. Мне приходилось их читать. Немцы признавались, что они окружены, но уверяли: «За вашим кольцом – наше, немецкое, кольцо. Сдавайтесь». Они пытались повлиять на психику наших солдат, но им, конечно, никто не верил. Листовки, если была тонкая бумага, использовали на самокрутки или для другой надобности.

В последних числах января шли уличные бои за каждую улицу, квартал, дом, этаж, подвал. 31 января наш полк был выведен из боя. Полки вышли к железнодорожному вокзалу, расчленив немецкую группировку. Образовалось два кольца окружения: Южное и Северное. В Южном был штаб 6-й немецкой армии и ее командующий генерал-фельдмаршал Паулюс. Штаб

располагался в подвале универмага. Северное кольцо находилось в районе Сталинградского тракторного завода. 31 января по приказу Паулюса, переданного по радио немецким войскам, окруженные Южного кольца сложили оружие. Сдался в плен и Паулюс со своим штабом. Немецкие части Северного кольца, в основном эсэсовские, продолжали сопротивляться с упорством обреченных. Предполагалось, что было там от 8 до 12 тысяч человек.

Туда нашим командованием были стянуты артиллерийские части, дивизионы «Катюш». 2 февраля, после ураганного огня артиллерии и гвардейских минометов («Катюш»), сдались и эти «опричники» Гитлера. В численности немецких войск, оказавшихся в Северном кольце, наше командование ошиблось. Там было несколько десятков тысяч солдат.

2-го февраля 1943 года Сталинградское сражение закончилось победой Советских войск. В Германии был объявлен траур по погибшей 6-й армии.

Огромный город, протянувшийся на 60 километров вдоль Волги, тоже был мертв и пустынен. Стояли тысячи остовов кирпич-

ных домов с пустыми глазницами окон, выгоревшие внутри. Многие дома превратились в груды кирпичного щебня, обвалившихся стен и обрушившихся перекрытий. Исковерканные рельсы городского трамвая и скелеты трамвайных вагонов.

И всюду трупы. Многие из них, разъезженные транспортом и военной техникой, представляли собою плоские фигуры неправдоподобно огромных размеров. Особенно же неприятной была безлюдность улиц когда-то многолюдного города. В юности я прочел роман «Последние дни Помпеи». И теперь, глядя на мертвый город, мне казалось, что я вижу раскопки этого античного города, разрушенного много веков тому назад извержением Везувия. Только в балке Царица, которая пересекает город Сталинград, сохранились небольшие частные домики и незначительная часть населения.

После окончания сражения подразделения нашего полка были размещены в подвалах железнодорожного вокзала. А так как подвалы были темными, то круглые сутки там горели самодельные лампы, сделанные хитроумными солдатами из снаряд-

ных гильз. В этих лампах горел бензин с добавлением соли, чтобы не было мгновенной вспышки или взрыва.

В Сталинграде полк стоял неделю. Эту неделю я, Трусков и Соловьев жили на частной квартире в балке Царица. Полковая (штабная) кухня была на верху балки. Из этой кухни мы брали завтраки, обеды и ужины «на дом». Кроме того, наши хозяева часто угощали нас тушеной кониной, изрядные запасы которой стояли у них в бочках в холодных сенях. Была у них патока и пшеница в зернах. Пшеницу они успели набрать в разбитом элеваторе тоже в порядочном количестве, уже будучи «под немцем». Жили мы у хозяев неплохо, только боялись напустить вшей. Едва согреешься в постели, они начинают донимать. Выскочишь в одном белье на крыльцо и стоишь, пока зубы не начнут стучать. Думаю, что плохое «наследство» осталось хозяевам после нас.

* * *

Как известно, в Сталинграде к нам в плен попало более 90 тысяч немцев, в том числе много офицеров и больше двух десятков генералов. Длинными колоннами

под охраной двух-трех автоматчиков брели они в наш тыл, потеряв всякий воинский вид. Мне пришлось наблюдать колонны сдавшихся в плен немцев 2 февраля, сразу после уничтожения Северного кольца: длинные, часто расстегнутые, шинели, головы, укутанные в женское тряпье, ноги, обмотанные одеялами, грязные лица, сопливые носы. Многих, видимо, раненых или обмороженных «завоевателей» везли на санках их товарищи.

И долго еще после окончания сражения из развалин зданий, канализационных и водопроводных колодцев вылезали немцы и сдавались в плен. Их тут же «потрошили» наши солдаты, выворачивая карманы в поисках часов. Все наши солдаты знали название часов по-немецки. И первый вопрос к пленному немцу был:

– Die Uhr?

Но обычно немцы, не ожидая этого вопроса, сами протягивали часы, если, конечно, они были у них. Как правило, у каждого немца была кипа семейных фотографий, которые безжалостно выбрасывались нашими солдатами при обыске пленного. Я тоже разжился трофейными часами швейцарской

фирмы «Омега», но мне их подарил солдат моей роты несколько позже.

Однажды мне пришлось быть свидетелем сцены несколько иного характера, в которой главными действующими лицами были тоже пленные.

На площади им. Павших Борцов стояли две шеренги пленных. В отличие от ранее виденных мною все они, за редким исключением, были молоды, черноволосы, с крепкими фигурами, с раскрасневшимися лицами. Позже я узнал, что это были хорваты. Несколько автоматчиков, поворачивая то одну шеренгу кругом, то другую, обыскивали их: нет ли оружия. Какой-то наш подполковник, хорошо владевший языком пленных, допрашивал каждого поодиночке.

Подхожу к шеренгам пленных и наблюдаю за происходящим. Чувствую, что кто-то осторожно теребит меня за полу шинели. До этого я перебросился несколькими словами на немецком языке с одним из стоящих в шеренге пленных. Смотрю – пленный протягивает мне на ладони часы.

– Зачем ты это делаешь? – спрашиваю.

– Все равно ваши солдаты заберут их у меня, – отвечает он.

В это время подполковник повернулся в мою сторону, и я отошел от пленных.

Допрос продолжался. Офицер обратился по-немецки с вопросом к одному щупленькому белобрысому пленному, который своим убогим видом выделялся среди других. Пленный молчал. Подполковник обратился к нему на каком-то другом языке. И опять молчание. Тогда подполковник ударил пленного по лицу кожаными перчатками, которые он до этого держал в руке, и воскликнул:

– Власовец, гнида! – И, обращаясь к автоматчикам: – Расстрелять!

Пленный упал на колени и пополз за шагавшим вдоль строя пленных подполковником, моля по-русски о пощаде.

– Увести! – отдал опять приказание автоматчикам подполковник.

Они увели пленного.

Генерал-лейтенант Власов в начале войны командовал Второй ударной армией. Изменив Родине, добровольно перешел к немцам, сформировал из русских военнопленных, изменивших Родине, так называ-

емую Русскую освободительную армию – РОА. В конце войны, когда наши войска уже разгромили немцев, Власов пытался скрыться, но был пойман, судим военно-полевым судом и повешен.

* * *

В течение недели полк находился в Сталинграде. Мы бродили по городу, выходили к Волге. В одном из переулков, а может быть, это была улица, идущая от площади Павших Борцов к реке, сохранился дом, в котором в 1918 году при обороне Царицына, так раньше назывался Сталинград, помещался штаб 10-й армии, оборонявшей город от белогвардейского генерала Краснова. Для нас удивительно было то, что сохранилась мемориальная доска на стене дома, поведавшая нам об этом. Был ли этот участок города в руках защитников Сталинграда или немцы не тронули эту доску?

Были на Мамаевом кургане, высота 102. Высота была покрыта телами наших солдат. Трупы были в разных позах. Боец с оторванной по колено ногой полз или приподнялся на четвереньки и так застыл. Лежат, голова к голове, два трупа: немец и рус-

ский. В руках немца – автомат, в руках русского – неразорвавшаяся граната. Рядом с трупами неразорвавшаяся мина от русского лоткового миномета «Андрюши» – большой, как самовар, шар со стабилизатором хвостового оперения.

Какая трагедия разыгралась несколько дней тому назад? От чего погибли эти солдаты? Кто кого убил? Или что-то явилось причиной гибели обоих? Узнать – никому не дано.

Были случаи мародерства. Возле тропинки, по которой позже мы ходили на кухню за пищей, несколько дней лежал труп немецкого офицера в хромовых сапогах с высокими голенищами. Однажды утром, идя за завтраком, мы обнаружили, что у немца нет ног. Видимо, кому-то «понадобились» сапоги, но снять их с трупа он не смог. Отрубил ноги и унес сапоги вместе с ногами.

Через несколько дней трупы убитых немцев стали собирать и вывозить за город. Там саперы аммоналом рвали землю и в огромные котлованы и рвы сотнями сбрасывали трупы и засыпали их землей. Попадались трупы с отсеченными пальцами. Значит, кому-то «понадобилось» золотое коль-

цо. Возможно, мародерством занимались не солдаты, а кто-то из местных жителей.

3

Еще раз о пленных. Я – командир роты. Айдарово

В Сталинграде мне довольно часто приходилось встречаться с пленными немцами, вести разговоры в пределах моих знаний немецкого языка. Некоторые из немцев также в большей или меньшей степени владели русским языком, а это уже значительно облегчало понимание друг друга.

Наверху балки Царица, где была штабная походная кухня, стояло полуразрушенное здание, которое приспособили под немецкий госпиталь. Госпиталь обслуживали немецкие врачи. В этом госпитале было несколько сот раненых немецких солдат. Как во всяком госпитале, раненые были «лежачие» и «ходячие». Приходя на кухню за завтраком, обедом или ужином, я всегда старался встретиться с кем-либо из «ходячих» раненых и поговорить. Причин было две: попрактиковаться в языке и понять психологию немца, воевавшего с нами. Если в

первом случае я имел какой-то успех, то во втором – не могу сказать. Большинство пленных выдавало себя за рабочих. Они говорили, что воевали по приказу. Не пойдешь – последуют репрессии.

– А как же зверства, чинимые над мирными жителями? – допытывался я.

– Это эсэсовцы. А мы – простые солдаты.

Таковы были стереотипные ответы на мои вопросы.

В один из дней февраля командир полка майор Бондарь приказал капитану, фамилию которого я уже не помню, и мне отправиться на станцию Гумрак и подыскать подходящие землянки для размещения полка. Землянки такие были в одной из балок вблизи станции. Полк должен был прибыть в Гумрак на другой день и в ближайшие два-три дня эшелоном отправлен в тыл на переформирование. Мы с капитаном отправились.

Идем не спеша. День довольно теплый, чуть-чуть метет поземка. Отойдя от города километра два или три, видим впереди, примерно в пятистах метрах, идут два наших автоматчика. А еще в двухстах метрах

впереди них бредут по снегу, перпендикулярно движению автоматчиков, три немца без конвоя. Один из пленных, а может, он еще и не был пленным, свернул в сторону к стоящей в снегу грузовой автомашине, которых по всему полю были десятки, и присел на крыло автомобиля. Устал, болен, ранен? В ту же секунду один из наших солдат поднял автомат. Короткая очередь, и немец ткнулся лицом в снег. Двое других подняли руки, но наши бойцы, не взглянув ни на них, ни на убитого ими немца, проследовали дальше своим путем. Постояв некоторое время, два немца, оставшихся в живых, тоже пошли дальше. Догонять солдат и говорить им об их недостойном поведении было бесполезно. В нашем полку был военфельдшер лейтенант Уткин. Казалось бы, человек самой гуманной профессии. Однажды он построил человек пять или шесть пленных немцев и одной очередью из автомата уложил всех.

В Гумрак мы с капитаном пришли уже в сумерках. Разыскали балку с бывшими немецкими блиндажами. Везде трупы немецких солдат и офицеров. Трупы по всему оврагу, у входов в блиндажи и в блиндажах.

Облюбовали для ночевки подходящую землянку, вытащили из нее двух или трех убитых немцев, растопили печурку. Помещение скоро нагрелось. Тепло. За окном уже вечер, темно, но у нас от огня в печке довольно светло. Закурили и осмотрелись. Жилье устроено капитально: двухъярусная кровать с панцирными сетками, стены обшиты досками и оклеены бумагой, печурка облицована изразцами. под потолком электрическая 12-вольтовая лампочка, питаемая от аккумулятора. Но аккумулятора нет. Видимо, кто-то из солдат «увел». Весь пол землянки покрыт разбросанными фотографиями, лезвиями от безопасной бритвы, немецкими журналами и просто всяким хламом. Было еще в землянке трюмо. Между прочим, и в землянках и по всей балке валялись сковороды, швейные машины, самовары и прочие предметы домашнего обихода.

На улице уже совсем ночь. Вышел я за порог, посмотрел вокруг и вижу: из дымовой трубы землянки, что невдалеке от «нашей», вьется дымок, а в окошечке – отблеск топящейся печки. Возвращаюсь в землянку и рассказываю о виденном капитану. Ре-

шаем пойти туда и посмотреть, кто там. Полагаем, что там такие же как мы «квартирьеры», только из другой части.

Не успели мы осуществить свое намерение, как дверь «нашей» землянки открылась, и на пороге появился немец. Смотрим на него, а он на нас. Молчим. Наконец, немец просит разрешения сесть. Я, как «знаток» немецкого языка, беру инициативу переговоров на себя и разрешаю ему сесть.

В ходе состоявшейся беседы на немецком языке, дополненном жестами и русскими словами, выясняется, что немец, пожаловавший в наш бункер, врач. Его команда, человек пять санитаров, находится в соседней землянке. Команда шла на пункт приема военнопленных, но, ввиду вечернего времени, решила, что лучше заночевать в землянке, так как нет гарантии в том, что их не перестреляют русские солдаты. Они видели, как мы с капитаном пришли и обосновались в бункере. И вот он пришел теперь просить «господина лейтенанта» разрешить им остаться на ночь в том бункере, где они сейчас находятся.

Я ответил, что прежде, чем разрешать, мы должны проверить справедливость ска-

занного, а для этого нам надо пойти к ним в землянку. Сейчас я думаю, что это было не лучшее решение. И мы пошли в тот бункер. В помещении полумрак, с нар свесились головы. Примерно столько, сколько говорил врач. Я разрешил им остаться.

Мы с капитаном вернулись в свой бункер, а вскоре к нам опять пришел тот же немец, и полилась беседа. Врач сообщил, что он женат, имеет двух маленьких детей, а также стариков – отца и мать. Тут его внимание привлек жирный кот, который достался нам в наследство от немцев. Врач попросил подарить ему кота. Я «подарил». Немец ушел.

Немного посидев, мы с капитаном решили, что один из нас будет дежурить, чтобы встретить полк, а также, конечно, в целях охраны, другой будет спать. Потом спавший будет дежурить, а дежуривший ляжет спать. Капитан первым стал нести вахту, я лег спать. Не знаю, много или мало я проспал, но проснулся от запаха жареного мяса. Открыл глаза и вижу, что у печки сидят капитан и немецкий врач, а на ней стоит сковородка, и что-то жарится. Догадался, что это жарится кот.

Встал, подошел и сел рядом с ними. Спрашиваю немца, почему он пришел к нам, а не занимается кулинарией в своей землянке. «Там, – говорит немец, – много голодных ртов, и мне ничего не достанется».

Как только мясо на сковороде немного зажарилось, наш «гость» берет со сковороды заднюю ножку кота и со словами «Bitte, bitte» – пожалуйста – протягивает ее мне. Угощение его я не принял, сказал, что русские кошек не едят. Некоторое время он смотрел на меня, потом с жадностью накинулся на жаркое, и через несколько минут от кота ничего не осталось. Обглоданы все косточки, обсосаны пальцы. Закончив трапезу, немец поблагодарил за гостеприимство и ушел.

Капитан лег спать, я стал дежурить. Полк не пришел, и мы вернулись в город. Как узнали позже, отправка нашего эшелона задерживалась. Пробыв несколько дней в Сталинграде, полк все-таки перебазировался в ту балку и те землянки, которые мы посетили раньше, и простоял там до середины марта. Вскоре я принял под свое командование первую роту первого батальона полка. До меня этой ротой ко-

мандовал капитан, но он с этой должности был освобожден по непригодности.

Командиром моего батальона был капитан Жуков, плотный человек лет сорока с круглой головой, стриженной под машинку. В прошлом он был техник-дорожник. На гимнастерке капитана был уже орден Красного Знамени. Комиссаром батальона (позже замполитом) был, кажется, старший политрук, брюнет лет 45–48. Фамилию его я забыл. Судя по внешнему виду и разговорной речи, он был украинец.

Начальником штаба батальона был старший лейтенант Николай Нетесов – светлый шатен высокого роста лет 23. Простой в общении, требовательный, но очень добросовестный человек и заботливый начальник. О нем я всегда вспоминаю с большим уважением и симпатией.

Средних командиров в роте у меня не было: выбыли по ранению или были убиты. Старшиной роты был Николай Дерягин. Был он родом из Черепаново Новосибирской области. Дерягин был старше меня лет на 5 или 6. В боях под Котлубанью Сталинградской области ему оторвало половину ступни у правой ноги, но после лечения

он вернулся в строевую часть, хотя мог бы остаться в тыловом хозяйственном подразделении. Как всякий порядочный старшина был он себе на уме, то есть плутоват и оборотист.

Было в роте несколько солдат уже узнавших, почем фунт лиха. Они участвовали в боях, были ранены и после госпиталя вновь попали на фронт. Эти солдаты стали моей опорой. Особенно я ценил солдата Ерофеева. В прошлом он был работником одного из леспромхозов Алтайского края. Он был уже инвалидом: кисть руки была искалечена ранением, но я его никогда бы не променял на самого здорового и храброго бойца. Меня поражала его способность быстро ориентироваться на местности в любое время суток и при любой погоде: никогда нигде не заблудится сам и других выведет. Бывало на марше, а они были только в ночное время, разбредутся, растеряются в пути бойцы. Поручишь ему собрать людей – он всех разыщет, всех приведет туда, куда надо.

Было у меня еще двое солдат-«старичков», каждому из них было около пятидесяти. Оба из леспромхозов Ленинградской

области. Один – Ерохин, а фамилию другого не помню. Оба степенные, рассудительные, уже навоевавшиеся. На этих солдат тоже всегда можно было положиться. Ко мне они относились с уважением, хотя я был много моложе.

Парторгом роты был старший сержант Коротченко, призванный в армию из Черемхово Иркутской области. Он был шахтер и надежный человек. Личный состав роты по возрасту, социальному положению, по национальности был очень пестрым. В роте были русские, украинцы, казахи, узбеки, таджики, башкирские татары, киргиз, еврей и каракалпак. До прихода пополнения солдаты были в основном пожилого возраста, старше 40–45 лет. Многие страдали различными заболеваниями и к строевой службе были явно не пригодны.

Большая убыль людей в боях под Сталинградом заставила командование пополнять стрелковые роты за счет солдат хозяйственных и транспортных команд и подразделений. Многим из них не пришлось еще побывать в боях. Многие солдаты плохо знали русский язык, некоторые – каракалпак и киргиз – совсем не понимали. На мое

счастье связным у меня был башкирский татарин Галимов Нуриахмет Сагадыевич. Татарский язык имеет некоторое сходство с языками республик Средней Азии, поэтому Галимов служил мне и переводчиком, хотя тоже не всегда все понимал сам. Ему было примерно столько же лет, сколько и мне. Он был очень веселым и заботливым. Порой ходил за мной, как нянька, но и пользовался поблажками с моей стороны. В то время как рота занималась строевой или боевой подготовкой на переформировании, Галимов отдыхал. И еще Галимов любил носить мой пистолет, который он же и чистил, планшетку и бинокль.

Кстати, пистолетов у меня было два: свой «ТТ» – «Тульский Токарева» и немецкий «парабеллум», а позже еще и револьвер системы «наган». Пистолетом «ТТ» я не пользовался. Он был записан мне в карточку, и надо было следить за его состоянием. «Парабеллум» и «наган» были трофейными, поэтому большого внимания начальства к ним не было.

Скоро в роту прибыл политрук – младший лейтенант лет 35, тамбовский рабочий, коммунист. Он был строевым офицером, а

не политработником, но некоторое время исполнял обязанности политрука. Жили мы с ним «душа в душу», не подразделяя своих обязанностей. К сожалению, его скоро забрали у меня, и на его место пришел капитан Ахметов, выпускник Казанского комвуза (по его словам). Ахметов имел привычку вмешиваться в дела, в которых он был некомпетентен.

Рота жила в землянках. Конец февраля, начало марта. Тает снег, в землянках сыро. На оружии моментально появляются коричневые пятна ржавчины, которые, пока они свежие, легко удалить. Политрук ежедневно подает комиссару (позже замполиту) батальона отчет о «морально-политическом климате» в роте и о происшествиях, если таковые были.

Ахметов в своих отчетах стал давать оценку состояния оружия в роте. На этой почве между нами произошел крутой разговор. Я запретил ему писать о том, в чем он не разбирается. Он перестал писать в отчетах о состоянии оружия, но донимал меня другими делами, и отношения наши не улучшились. Доходило порой до того, что мы оба хватались за пистолеты. И свобод-

но я вздохнул лишь тогда, когда была ликвидирована должность политрука в роте.

* * *

Как только полк передислоцировался в балку на станции Гумрак, начались строевые занятия, боевая подготовка и т. д. Командного состава взводов в роте не было. Пришлось на эти должности назначить временно сержантов, а то и просто наиболее грамотных бойцов. Вечерами я с ними занимался тем, что на следующий день они должны были объяснить бойцам. Сам я должен был ходить на офицерские занятия, которые проводились комбатом или начальником штаба полка.

После Сталинградского сражения армия, дивизия и полк стали гвардейскими: 4-я гвардейская армия, 69-я гвардейская стрелковая дивизия, 204-й гвардейский стрелковый полк. Вид был не у всех гвардейский, но дух гвардейца был в каждом. Гвардейское знамя дивизия получила несколько позже, на переформировании, а гвардейские значки получили еще в Сталинграде, а также и медали «За оборону Сталинграда». Гвардейским частям и соединениям были

привилегии в денежном довольствии и питании. Жалование командного состава и рядовых было выше.

Числа 11-го или 12-го марта дивизия поехала в тыл на пополнение (переформирование). Весь наш первый батальон разместился в одном четырехосном товарном вагоне (пульмановском). Через два или три дня пути мы высадились на железнодорожной станции «Графская». Конечный пункт следования – селекционная станция в 2 километрах от села Айдарово. Само же Айдарово в 30–40 километрах от Воронежа.

Во время следования эшелоном один из бойцов роты потерял винтовку. Случилось это так. Когда поезд остановился, он выскочил с винтовкой по нужде. Вскоре эшелон тронулся, боец вскочил в вагон, забыв про винтовку.

Если бы он потерял ее в Сталинграде или Гумраке, беда была бы невелика. Оружие всяких марок валялось на каждом шагу, бери любое. Но в пути лишнего у нас не было: у каждого солдата только одна винтовка или только один автомат. За потерю оружия, тем более не в бою, солдату грозило строгое наказание. Взыскание от коман-

дования ожидало и меня. О потере бойцом оружия старшина роты доложил мне шепотком, чтобы не услышал комбат. Я приказал ему найти винтовку. Через сутки старшина доложил, что винтовка найдена.

На селекционной станции животных давно уже не было. В пустовавших помещениях, оборудованных нарами, разместились подразделения полка. Начались занятия по боевой и строевой подготовке. Поступало пополнение людьми. Многие были из госпиталей после излечения. У некоторых солдат оно не было полным. После полевых занятий несколько бойцов ковыляли с палочками за ротным строем. Поступала материальная часть:оружие, вещевое довольствие, лошади, повозки. Старшине досталась повозка и пара маленьких лохматых лошадок-«монголок». Лошадки были бойкие, но злые. Их своенравный характер Дерягин испытал на себе первый, получив удар копытом в подбородок.

Жизнь полка в Айдарово была спокойной и довольно приятной. Весна уже полностью вступила в свои права. Снег быстро таял, и мутные потоки воды шумели по оврагам и логам. В свободное время я упраж-

нялся в стрельбе из трофейного пистолета, и небезуспешно. Патронов не жалел. Старшина прихватил из Сталинграда две или три больших пачки патронов, это около трех тысяч. Стрелял обычно по пустым бутылкам, консервным банкам и т. д.

Идем однажды с Николаем над оврагом, и он говорит:

– Товарищ гвардии лейтенант, а вам не попасть в мою шапку с 25 метров.

– Клади, – говорю, – на край оврага.

Выстрелил, и шапка закачалась на волнах мутного потока, шумевшего в овраге. Конечно, шапка для старшины не проблема.

Вспоминается один смешной случай. Бывая часто в селе, Николай Дерягин договорился с одной солдаткой протопить баню. Когда баня была готова, приехал за мной. И мы поехали мыться.

Зашли к хозяйке, а у нее сидит соседка. Немного посидели все вместе. Потом мы пошли в баню, которая стояла в огороде, а хозяйка вышла провожать соседку.

Поддали жару, плеснув на каменку. Попарились веничком, порядком измазавшись в саже. Баня была «по-черному», без выводной дымовой трубы от каменки. Слез-

ли с полка мыться – мыла нет, забыли в доме. Старшина говорит:

– А сейчас мигом принесу, – и приготовился бежать голым.

– Куда же ты голый? – говорю.

– А в доме никого нет, они ушли! – и убежал.

Через минуту слышу визг. Оказалось, что женщины по какой-то причине вернулись в дом и испугались, увидев влетевшего к ним голого человека. Но мыло старшина все-таки принес.

Случались, конечно, и несмешные истории.

* * *

Известно, что первыми семью советскими маршалами были Буденный, Ворошилов, Блюхер, Тухачевский, Егоров, Тимошенко и Кулик.

В начале Великой Отечественной войны Кулик проштрафился, был понижен в звании до генерал-лейтенанта и назначен командующим 4-й гвардейской армии. Забегая вперед, скажу, что Кулик от командования армией в сентябре 1943 года был отстранен и, по слухам, понижен в звании до

полковника. Дальнейшая судьба его мне не известна (Кулик был расстрелян – *прим. ред.*). Кулика пришлось мне видеть трижды на тактических учениях. Впечатление от его поведения было очень неприятное.

Это были тактические полковые учения в дивизии. На одном учении я был участником, на двух других – «посредником». На каждом было чрезвычайное происшествие.

В нашем полку боец-узбек, стреляя из винтовки, попал в затылок впереди лежащему бойцу. В другом полку снаряд из танка ударился о березу, которая была метрах в 15 впереди танка, и осколками был убит один из солдат пехоты, «поддерживавших» атаку танков. В третьем полку танкист открыл люк и высунул голову из танка в то время, когда пехота, шедшая за танками в атаку, вела огонь. Танкист был убит.

Однажды, после разбора тактических учений, Кулик сорвал с погона старшего лейтенанта звездочку и разжаловал его в лейтенанты за то, что на другом погоне одна звездочка была потеряна.

Бывая в дивизиях, Кулик время от времени заглядывал и в полки. В таких случа-

ях, ожидая командующего армией, командный состав полка был в большом нервном напряжении и тревоге за благополучный исход этого визита.

Однажды ожидали приезда командарма и в наш полк. Я был дежурным по полку. С утра было довольно прохладно, и я ходил в шинели. После обеда стало жарко, и шинель я снял. Погоны только ввели «в обиход», и в Сталинграде выдали их по одной паре. Сняв шинель, я некоторое время размышлял, снять ли мне погоны с шинели и нацепить на гимнастерку или не снимать. Решил не снимать, так как до конца дежурства осталось немного. Забыл, что ожидали приезд Кулика, или посчитал, что время позднее, и командарм уже не приедет. Но командир полка об этом не забыл, и, как на грех, я попался ему на глаза, зайдя за чем-то в штаб полка.

– Подойди ко мне, – говорит подполковник (ему после Сталинградской битвы присвоили это звание). – Ты кто такой?

– Дежурный по полку гвардии лейтенант Токарев, – по-уставному отвечаю я.

Подполковник, указывая на мои плечи без погон, кричит:

– Ты не гвардии лейтенант, а... – и не найдя подходящего сравнения, заканчивает: – Иди! – и посылает меня далеко.

Я отвечаю, по-уставному повторяя приказание:

– Есть идти туда! – и делаю «кругом».

– Стой! – кричит подполковник, понимая, что я озорую. – Пять суток гауптвахты!

– Есть пять суток гауптвахты! – Поворачиваюсь кругом и, печатая шаг, ухожу.

Подполковник Бондарь не был злым человеком, и я на него не обиделся. Просто он нервничал, ожидая командарма, который бы ни ему, ни мне не простил такой «распущенности».

Бондарь был плотный мужчина, любил основательно поесть, «уминая» за обедом полбуханки хлеба. Однажды, после разбора тактических учений в дивизии, кто-то из офицеров обратился к Кулику с вопросом, касавшимся питания бойцов. Сказал, что не всем хватает хлеба. Кулик удивился и повернулся к Бондарю:

– Ну, вот скажи, Бондарь, сколько ты съедаешь за обедом хлеба? – и тут же продолжает: – Я думаю, не больше 200 граммов?

Подполковник несколько смутился, а мы, офицеры его полка, наклонили головы, зная его аппетит.

– Так точно, товарищ генерал-лейтенант, 200 граммов.

Многие, отвернувшись, улыбнулись.

* * *

Давно уже отшумели вешние воды, в цвету стояли яблони, точно покрытые снегом, а мы все еще оставались на селекционной станции. Забылись все строгости первых дней нашего пребывания в Айдарово, когда нам запрещалось вступать в контакт с местным населением. В нашем батальоне первым нарушил запрет его командир, и как раз в мое дежурство по полку.

Командир полка дал мне распоряжение: пройти по квартирам поселка селекционной станции и проверить, как выполняется его приказ. В одной из квартир я обнаружил своего комбата в довольно интимной обстановке. Ничего не сказав, я повернулся и вышел. За мной комбат:

– Смотри, Токарев, не выдавай меня!

Конечно, я бы и без его просьбы не стал докладывать об этом командиру полка.

* * *

Однажды я был дежурным по полигону, где шли занятия по изучению материальной части и стрельбе из ротного 50-миллиметрового миномета. Взвод бойцов, человек 30, сидел широким кругом. Комвзвода рассказывал солдатам устройство и принцип работы то ли ручного пулемета, то ли автомата. Не помню, где стоял миномет, из которого велась стрельба, но мина, выпущенная из миномета, упала в круг сидящих бойцов и разорвалась. К счастью, никто не пострадал. Будь по-другому – дежурному несдобровать.

Хорошо было жить в Айдарово, но на закате солнца, в теплый весенний вечер 16 или 17 мая, полк, провожаемый всем селом, «выступил по заданному маршруту». Маршрут этот пролегал по Воронежской, Липецкой, Тульской, Белгородской областям. Три месяца шли мы по большим и малым селениям, районным городам и местечкам. Старинные и красивые, истинно русские по духу Задонск, Елец, Старый Оскол и многие другие…

Порой мы шли параллельно линии фронта, на небольшом удалении от него.

В той стороне, где проходил фронт, вечерами горизонт озарялся всполохами, слышался, приглушенный расстоянием, обвальный грохот взрывов. Это бомбила авиация, наша или вражеская, ближайшие тылы, не давая подбрасывать резервы, боевую технику и боеприпасы на передовую. Иногда мы в течение нескольких суток стояли в лесу. И тогда строили из листьев и веток шалаши.

К началу июля части и соединения 4-й гвардейской армии, в том числе наш 204-й гвардейский стрелковый полк, сосредоточились в районе Тулы. Наш полк дислоцировался в 6 километрах от города в густом сосновом лесу. Здесь простояли мы неделю. В начале августа наша 69-я гвардейская дивизия вновь была в прифронтовой полосе.

Насколько мне помнится, обратный путь мы уже совершали в эшелоне.

4

«Куриная слепота»

Отсутствие в пище необходимого количества витамина «А» приводит к развитию у человека болезни: с заходом солнца человек перестает видеть. Меня эта болезнь

не коснулась, но в роте «слепцов» оказалось до двух десятков.

Двигались мы только после захода солнца, чтобы не быть обнаруженными вражеской авиацией. Немецкое командование потеряло нашу армию и упорно искало ее. Так, идет рота на марше в темноте, а рядом по обочине идет цепочка «слепых», ведомая зрячим поводырем. Позже из строя уже не выходили, найдя более простой способ марша «слепых». Каждому «слепому» давали в руки шомпол и ставили его позади видящего. Время от времени «слепой» шомполом постукивал по котелку на вещевом мешке идущего перед ним «зрячего». В ночи слышен только тихий звон шомполов о котелки.

Как только добрались до места, завезли рыбий жир, который лили прямо в котелки с супом или кашей. Вчерашние слепые стали зрячими.

5

«Бог наказал?»

Во время переформирования в роту прибыло несколько бойцов из воинских частей Дальнего Востока. Были хорошие

ребята, но были и такие, которые доставляли много хлопот и неприятностей командирам взводов, да и мне тоже. Об одном из них я хочу рассказать.

Умикеев был мусульманин, носил на погонах три лычки сержанта. Он с первого же дня повел себя заносчиво, не подчинялся ни командиру отделения, ни командиру взвода. Пришлось его наказать своей властью. Не помогло, провинился вторично. Заставил нести вахту в ночное время у пирамиды с оружием. Уснул на посту. Подошел я к нему – спит. Забрал его автомат – спит. Кстати, этого делать было нельзя. Проснувшись вовремя, он мог меня застрелить и не отвечал бы за это. Наказал еще.

Идет раз рота на марше, а боец из строя просит меня подойти поближе к колонне. Подошел, а бойцы мне говорят:

– Товарищ гвардии лейтенант, вас Умикеев хочет убить. Говорит, что как только рота вступит в бой, он выстрелит в затылок. Мы вас будем охранять, но вы и сами поберегитесь.

– Все это чепуха, – говорю. – Если бы он хотел это сделать, то не говорил бы об

этом. Просто хочет взять меня «на испуг», чтобы я давал ему поблажку.

На этом наш разговор закончился, но неприятный осадок от него на душе у меня остался. Даже не страх, а просто сознание, что есть рядом с тобой человек, который желает тебе смерти.

На другой или на третий день после этого разговора полк близко подошел к передовой, и километрах в двух от нее в лесу нас остановили на привал. Какой бы короткой ни была остановка, копаются ровики для укрытия от вражеской авиации. Рота копает ровики, а батальонная кухня доваривает обед, который варился и во время движения. Дым от кухни был замечен врагами, и вскоре к нам полетели мины. В это время Умикеев, выкопав ровик, сидел на бровке и свертывал цигарку. Осколок разорвавшейся рядом мины уложил его в этот ровик наповал.

Вскоре кухня потушила огонь, налет прекратился. Других жертв в роте не было. Пополз слух, что Умикеева бог наказал. Единоверцы этого солдата ждали, что будет дальше. Я приказал старшине всех их собрать. Когда они собрались, я приказал похоронить бойца согласно их обычаям.

Между прочим, многие пожилые бойцы в роте были верующими. В вещах встречались записки с молитвами. Препятствий мы не чинили. Если вера дает бойцу больше уверенности в его действиях, зачем лишать его этой уверенности?

6

«Иисус Христос»

Когда в роте имеется народ пожилой, наверняка есть среди них сапожники, портные, парикмахеры. А так как пожилых людей у меня в роте было много, то и моя рота не была исключением. Пока часть находится на «зимних» квартирах или не ведет боевых действий, все эти мастеровые люди работают в полковой сапожной или портняжной мастерской. Но как только наметился марш, они рассылаются по подразделениям. Пришел сапожник или портной в роту – верный признак, что завтра полк будет на марше.

Была и другая примета: начальник химической службы полка собирал противогазы. Если их не собрать, то перед боем они будут выброшены, а их место в

сумке займут патроны или, что было реже, сухари.

Портного в роте у меня не было, но сапожник был. Это был здоровый мужик, лет под пятьдесят, с ладонями, похожими на две сковороды среднего размера и цветом мало отличающимся от них. Родом он был из Алтайского края. Наличие сапожника в роте объясняло то обстоятельство, что я, на зависть другим «ротным», все лето ходил в легких брезентовых сапогах. Не жарко и легко.

Но однажды сапожник стал причиной моих острых переживаний.

Полк находился на марше и остановился днем на привал. Было это недалеко от Старого Оскола. Когда я пошел по взводам проверять готовность роты к маршу, солнце уже было близко к закату. На одной крохотной полянке, куда я вышел из кустов, стоит «мой» сапожник и мочится, а сам шатается. Где, думаю, успел напиться?

Подошел к нему, спрашиваю, что с ним. Что-то бормочет – понять невозможно.

Нашел командира взвода. Тот тоже разводит руками. Кто-то из солдат подсказал:

– Они с таким-то (называет фамилию) грибов объелись.

– А где другой?

– Ушел туда, – показывает в направлении кухни.

Иду к кухне и вижу, что мой солдат стоит на повозке, а вокруг нее толпятся бойцы. Он «осеняет» их крестом и кричит:

– Я – Иисус Христос! Молитесь, вы все погибнете!

Подбежал старшина, стащил солдата с повозки. Обоих солдат отправили в санчасть. Вечером, когда рота была на марше, в голову полковой колонны проскакал верхом на лошади командир полка Бондарь.

– Токарев! – крикнул мне подполковник. – Твои бойцы, что отравились мухомором, умерли!

У меня заскребло на сердце. Я за них отвечаю. На другой день, рано утром, «покойники» явились в роту. Они отделались промыванием желудков. Командир полка, известив роту о смерти солдат, видимо, хотел, чтобы мы переживали, что и посчитал достаточным наказанием за проявленную беспечность.

7

Дезертиры

Летом 1942 года на фронтах Отечественной войны сложилась тяжелая для нас обстановка. Вышел приказ Верховного главнокомандующего И. В. Сталина № 227, суть которого можно коротко сформулировать так: ни шагу назад, стоять насмерть. На фронте были созданы заградительные отряды, которые должны были пресекать всякую попытку оставления рубежей без команды сверху, а также вылавливать дезертиров и задерживать военнослужащих, оказавшихся в тылах без оправдывающих их присутствие там документов.

В течение одного месяца мне дважды пришлось быть свидетелем приведения в исполнение приговоров над двумя дезертирами.

В один из погожих дней пребывания армии в Резерве Верховного Главнокомандования все полки нашей дивизии были сведены в одно место. Довольно большая площадь была расчищена от кустарника. На ней выстроились части соединения, образуя неполный четырехугольник со свободной

одной стороной. До прибытия осужденного играл духовой оркестр. Войска стояли по команде «вольно». Под охраной двух автоматчиков появился дезертир, приговоренный военным трибуналом к расстрелу.

Выкопанная могила была в центре четырехугольника. Автоматчики с приговоренным остановились в нескольких шагах от могилы. Был он молод, лет 20 или 22. Внешне спокоен.

Подалась команда: «Смирно!» Заместитель командира нашего полка громким голосом огласил приговор трибунала. Осужденному скомандовали: «Кругом, шагом марш!» (по направлению к могиле). Он беспрекословно выполнил команду. Во время его движения автоматчики дали две длинных очереди ему в спину и, видимо, низко. Осужденный переломился и упал, не дойдя 3–4 шагов до могилы. Автоматчики за ноги подтащили его к ней и столкнули в яму. Но он еще был жив, слышались стоны. Тогда один из офицеров трибунала или охраны, соскочив в могилу, несколькими пистолетными выстрелами прекратил агонию. Могила была засыпана землей, и вся дивизия прошла по ней под звуки марша.

Когда раздавались очереди по осужденному, двое моих командиров взводов – младшие лейтенанты, только что прибывшие из училища, – упали в обморок. Настолько тяжелым было для них это зрелище.

Приведение в исполнение приговора над вторым дезертиром было точно таким же. Только подсудимый был зрелого возраста, лет 40, весь обросший бородой. Мне запомнилась его фамилия – Крайнер. Шел он впереди автоматчиков, дико оглядываясь по сторонам. Прошел в двух шагах от меня, так как я стоял крайним правофланговым. Я опасался, как бы он не кинулся бежать, а автоматчики, за компанию с ним, не влепили очередь в меня. После зачтения приговора осужденному подали команду «кругом!», но он ее не выполнил. Кричал, что хочет, чтобы его расстреляли в грудь.

Ему ответили, что пуля в грудь – это смерть храбрых, а для труса – пуля в спину, но он все сопротивлялся. Тогда один из автоматчиков рванул его за руку, пытаясь повернуть, но полностью сделать это не сумел. В это время другой автоматчик дал очередь, которая попала осужденному в шею. Хлынувшая из сонной артерии кровь ударила

фонтаном и мгновенно залила рубашку. Осужденный упал. Дальше все происходило так же, как и в первом случае. И хотя сцена была еще тяжелее, чем раньше, в обморок никто уже не падал. С расстрелянного сняли ботинки, столкнули труп в яму, по которой прошла вся дивизия.

8

Самострел

С одним из пополнений в роту пришел молодой солдат. Солдат первоначально произвел на меня очень хорошее впечатление: молод, грамотен, имеет специальность – первый номер ручного пулемета. Фамилию его, как и фамилии многих бойцов, память моя не сохранила. Но первоначальное впечатление о бойце оставалось только до тех пор, пока подразделение было сравнительно далеко от фронта. По мере приближения к фронту стали меняться и мои впечатления. И чем ближе часть подходила к передовой, тем больше я разочаровывался в нем.

У солдата стали «болеть» ноги. Чем ближе фронт, тем сильнее они у него «болели». Он уже с трудом передвигался.

В роте была повозка и пара «монголок», которые ее тащили. Но на повозке – два станковых пулемета, хозяйство старшины, вещи комвзводов. Да еще, бывает, кто-нибудь, действительно, заболеет – посадишь. И вот старшина мой нашел выход из положения:

– Товарищ гвардии лейтенант, а что если нам сменять нашего «хромого» на одного бойца во 2-й роте. Он у них «ходит» в недисциплинированных. Может, как-нибудь с ним справимся? Он хоть сам ходит. А?

Вскоре состоялся обмен. Встречаемся с командиром 2-й роты. Наши старшины приводят своих солдат. Каждый расхваливает своего:

– Грамотный, пулеметчик, – это говорит мой старшина.

– Энергичный, со смекалкой парень, – говорит старшина 2-й роты.

Командиры ударили по рукам – обмен состоялся. В штабе батальона внесли исправления в списках. Прошел день или два. Часть почти не стояла на месте, все время в движении.

Идет как-то батальон, остановился на привал. Мимо нас прошел старшина 2-й

роты, ведя за руку теперь уже не нашего «хромого». Солдат двигался как-то боком, переступая ступнями параллельно. А еще через пару дней, на привале, в вечерних сумерках, во второй роте, которая двигалась на марше впереди моей, раздался выстрел.

Командиры рот, в том числе и я, собрались в кучку и курили, пряча огонек самокрутки в рукав. Услышав выстрел, кинулись туда. А там уже «куча мала», кого-то «тузят». Разбросали солдат – лежит на земле «хромой», а на обочине дороги – его винтовка, из которой он сам прострелил себе большой палец правой ноги.

Содрав ботинок, ногу перебинтовали и заставили его шагать вместе со всеми.

Преднамеренное членовредительство законами военного времени расценивалось как дезертирство и наказывалось так же.

Вскоре в полк прибыл военный следователь. На одной из дневок полка состоялось заседание военного трибунала. Трибунал приговорил бойца к 10 годам тюремного заключения с отбыванием срока после окончания войны. В соответствии с какими обстоятельствами бойцу оставили жизнь, я не знаю. Но в первом же бою он был убит.

9

Писарь Савченко

Хочется написать несколько строк об этом человеке.

В его родных местах в то время уже были оккупанты.

Было ему лет 35–40. До войны был председателем колхоза, в роте занимал должность писаря. Подходит как-то ко мне Савченко и говорит:

– Товарищ командир роты, у меня в вещевом мешке 30 тысяч рублей колхозных денег. Не знаю, как мне с ними быть.

Деньги эти сдавать ему было некуда. Райцентр, где был банк, захвачен врагами.

Я посоветовал Савченко в первом же населенном пункте, где мы будем, и где будет банк или сберкасса, сдать деньги и взять расписку о том, что деньги сданы. Но населенного пункта с банком на нашем пути все не было. А вскоре или мы попали под бомбежку, или выбивали из деревни немцев. Пробегая по каким-то посадкам в поле, увидел бойца с разорванным животом. Его серо-синие с металлическим отливом внутренности вывалились на пыльную дорогу.

от кишок шел парок. Полковой военфельдшер Уткин пытался укладывать их на место. Узнал бойца – Савченко.

Кто-то из пробегавших солдат обронил:

– Этот уже отвоевался.

Савченко, еле разлепив губы, с трудом прошептал:

– Ничего, мы еще повоюем.

Довезти Савченко живым до санбата не удалось. Что стало с колхозными деньгами, не знаю.

10

Быков

В роте у меня воевали два бойца, которым было всего по шестнадцать с половиной лет. Фамилия одного из них была Быков. Фамилию другого не помню, он вскоре погиб.

Быков был связным политрука роты Ахметова. Невысокий, физически еще не развившийся, он выглядел подростком лет 14-15. К своим обязанностям связного относился с большой ответственностью, но подчас бывал по-детски наивным. Его начальник Ахметов предъявлял к Быкову такие

же требования, как если бы на месте Быкова был 40-летний боец. Я старался внушить Ахметову, что он неправильно ведет себя с Быковым, но результата не было.

Однажды мой связной Галимов сообщил:

– Товарищ гвардии лейтенант, Быков отстал.

– Как отстал? Где?

– А вот в той деревне, которую мы проходили часа два тому назад. Политрук капитан Ахметов послал его поискать в деревне молоко. Он убежал и не вернулся.

– Позови, – говорю, – Ахметова ко мне. Он где-то в хвосте колонны.

Ахметов догоняет меня:

– Ты меня звал?

– Звал. Где Быков?

– Где-то в конце колонны болтается. А что?

– Смотри, как бы не потерялся. Искать заставлю, – говорю я.

– Не потеряется.

– Ну-ну, тебе виднее.

Утром – дневка. Спрашиваю Ахметова:

– Быков где?

– Понимаешь, где-то отстал. Да ничего, догонит.

Вечером готовимся на марш. Быкова нет.

– Ну, вот что, мил человек, – говорю я Ахметову, – иди и ищи Быкова. Без него не возвращайся.

Как ни доказывал Ахметов, что никуда Быков не денется, придет, я стоял на своем. Он вынужден был пойти искать. Два дня не было ни Быкова, ни Ахметова. На третий явились оба «в мыле»: запыленные, уставшие, потные.

– Не проще ли было, – говорю Ахметову, – сразу, в тот же день, пойти за Быковым? Так ты все вилял!

Молчит, но вижу – злой.

Вскоре институт комиссаров в армии был упразднен, должность политрука в роте стала тоже лишней. Ахметов уехал переквалифицироваться на строевого командира. Расставание не было огорчительным ни для меня, ни для него.

11

Старший лейтенант Слайковский

Иван Николаевич Слайковский пришел в батальон из госпиталя, где он был на

излечении после ранения. Как старший по званию и более опытный фронтовик, он был назначен командиром 1-й стрелковой роты. Я же становился его заместителем и командиром 1-го взвода. Где произошла эта перестановка, я сейчас не помню. Возможно, в районе Тулы, там полк стоял неделю. Может быть, несколько позже.

До войны Иван Николаевич жил в Омске. Был он лет на 5-6 старше меня, коренастый блондин с приятным русским лицом, которое оправдывало распространенное мнение о том, что «лицо – зеркало души человека». Хороший командир: знающий, требовательный, справедливый, заботливый. Он никогда после марша не ляжет отдыхать, не убедившись в том, что оружие приведено в порядок, бойцы накормлены и отдыхают. У него я многому научился. У нас сразу установились хорошие дружеские отношения.

Но была у него проблема: его угнетала мысль о его неизбежной гибели.

– Знаешь, Гена, – говорил он, – я уже и повоевал, и был в госпитале, в тылу. Больше мне уже тыла не видать. С фронта мне не вернуться.

Я, как мог, успокаивал его и смеялся над его пророчеством. Он стряхивал с себя бремя нелегких дум, но ненадолго. В боевой обстановке при мне раза два замедлял шаг, отставал от идущей в наступление роты. Я говорил ему, что надо взять себя в руки, на что он отвечал, что знает, но ничего не получается.

К сожалению, предчувствие скорой гибели его не обмануло.

12

Курская дуга

Сражение, которое развернулось в июле – августе 1943 года под Курском, после которого немецкая армия уже не смогла взять инициативу в свои руки, получило название «сражение на Курской дуге». Название «Курская дуга» произошло от конфигурации линии фронта. В этом месте наша оборона уступом вклинивалась в немецкую оборону.

У немцев была цель – отсечь войска Центрального и Воронежского фронтов, находящиеся в Курском выступе, и уничтожить их. В сражении участвовало около 2,5

миллионов человек с обеих сторон, длилось оно с 5 июля по 23 августа 1943 года. Закончилось взятием нашими войсками городов: Орел, Белгород, Харьков.

Наиболее кровопролитные бои шли в районе станции Поныра и в районе села Прохоровка (танковые). На первом этапе этого одного из величайших сражений Великой Отечественной войны наша 4-я гвардейская армия, будучи в резерве Верховного Главнокомандования, в сражении участия не принимала. Но где-то во второй половине июля она была подтянута ближе к Воронежскому фронту. Хорошо помнится, что в разгар одного из тяжелых боев, которые вели наши войска с немцами, наш полк стоял километрах в 20–30 от передовых соединений 6-й гвардейской армии.

Запомнился еще такой эпизод. Наша рота под командованием Слайковского стояла в небольшой балке. Вдруг в эту балку влетает отряд конников, человек 10–15, под командованием старшины, вся грудь которого в этот солнечный день сияет от орденов и медалей. Старшина, по привычке избалованного вниманием человека, кричит на нас со Слайковским:

– А ну, убирайтесь! Сейчас сюда приедет командующий 6-й гвардейской армии!

Слайковскому пришлось осадить не в меру усердного и темпераментного старшину.

Вскоре стали прибывать части дивизии, которую мы сначала приняли за полк, настолько она была малочисленной по своему составу. И только знамена, с которыми подходили небольшие группки людей и строились, убеждали нас, что эти группы – полки. Затем прибыл командующий 6-й гвардейской армией генерал-лейтенант Чистяков.

В начале своего выступления он крепко, чисто по-русски, высказал свое недовольство дивизией за то, что она в решающий момент боя дрогнула, но все-таки поправила положение. Потом генерал стал хвалить и даже награждать орденами.

Дивизия была обескровлена и выведена из боя, который продолжался. Слышался гул артиллерии. Продолжались воздушные бои.

Какое-то время наша дивизия была вблизи фронта, потом – на марше. Восемнадцатого августа 1943 года 4-я гвардейская

армия была брошена в бой с противником, предпринявшим контратаку в районе г. Ахтырка. Ахтырка несколько раз переходила из рук в руки. В боях за этот город наш 21-й корпус не участвовал. Отличился там 20-й корпус нашей армии под командованием генерала Бирюкова.

Начиная с 18 августа марши чередуются с боями. Иногда это скоротечные бои в виде коротких схваток с арьергардными частями противника, отходящего к Днепру. Иногда это затяжные бои, какими были бои за Котельву, крупный населенный пункт на реке Ворксла. Там действовал 20-й корпус нашей 69-й гвардейской дивизии. Комкор Бирюков.

Котельва – большое село, протянувшееся вдоль восточного берега Ворксла. Говорят, что длина Котельвы 18 км. В одиннадцатом веке это был город. В январе – феврале 1709 г. Котельву и Опошню заняли полки шведского короля Карла XII, пытаясь в обороне использовать реку Ворксу. В сентябре этого же года на реке Ворксла в знаменитой Полтавской битве Петр I разгромил шведскую армию...

Котельва известна еще как родина прославленного партизанского командира Вс-

ликой Отечественной войны Исидора Артемьевича Ковпака, дважды Героя Советского Союза.

Стояли теплые, даже жаркие, дни бабьего лета. В садах, в которых утонула Котельва, давно уже поспели яблоки и груши. Ведя наступление, мы успевали и «снимать» урожай фруктов, правда, на ходу, но наедались яблоками до оскомины. Не только в Котельве, но и в других селах и хуторах, по которым проходил наш полк, яблок и груш было очень много. Особенно хороши были переспелые груши, осыпавшиеся с дерева. Часто передовая фронта пролегала по бахчам. И тогда мы, невзирая на огонь противника, все же ухитрялись вдоволь поесть арбузов и дынь.

После девятидневных боев, 7 сентября Котельва была очищена от противника. До сих пор стоит перед глазами это красивое, все в садах, село. Я бегу вдоль речки по огородам и посадкам. Всюду трупы немцев и наших солдат. Появляются сельчане, начинаются расспросы. Надо сказать, что далеко не все жители, особенно молодежь (девушки), были настроены радушно по отношению к нам. После тех населенных пунк-

тов, которые мы проходили перед занятием Котельвы, это было очень заметно.

То обстоятельство, что в разных населенных пунктах нас встречали неодинаково – где-то с радостью, где-то прохладно – объясняется тем, что немцы вели себя поразному. В глубоком тылу у себя, на оккупированной территории, они грабили скот, птицу, вещи, а в селах, лежащих ближе к фронту, старались этого избегать. Были даже случаи, когда из тыловых сел и деревень привозили или пригоняли скот в прифронтовые деревни и здесь раздавали коекому из крестьян. Но скоро этой показной доброжелательности пришел конец. Отступая под стремительным натиском Советской Армии, враги уничтожали скот, сжигали все, что могло гореть, взрывали. Неоднократно приходилось видеть десятки трупов побитых коров у околиц деревень, пылающие в огне пожарищ села и хутора.

Котельва была не первым населенным пунктом, который пришлось брать с бою. Первым был бой у села Пархомовка Харьковской области. Опять наш полк занимал позиции второго эшелона и был только наблюдающим сражение, а не участником его.

Этот бой был не совсем удачным: сгорело слишком много наших танков (руководил армией Кулик). За Котельвой наша 69-я гвардейская дивизия вышла из состава 20-го корпуса, вернувшись в 21-й. 20-й корпус пошел через Опошню на Полтаву, которую и взял 23 сентября. 21-й корпус пошел западнее Полтавы с выходом к Днепру в районе небольшого городка Градижска, все время наступая на пятки отходящего, но огрызающегося противника, ведя бои прямо с марша.

В одном из таких боев погибли Иван Николаевич Слайковский, мой связной Нуриахмет Галимов и еще много бойцов роты и батальона в целом. Взятием Харькова 23 августа закончилось сражение на Курской дуге. Сражения после 23 августа были сражениями за Украину. В памяти моей не сохранились названия населенных пунктов на пути нашей дивизии к Днепру, да и, как правило, велись бои в чистом поле.

13

Смерть Слайковского

Бою, в котором погиб Слайковский, предшествовала разведка сил противника.

которую нельзя назвать удачной, поскольку целей своих она не достигла. Силы эти не были выявлены.

Не знаю сейчас, была ли команда комбата, или Слайковский распорядился, или это была моя инициатива, только в разведку пошел я вместе с одним из наиболее смышленых солдат роты по фамилии Сопляков. Фамилия эта ему никак не соответствовала. Это был мужчина 28–30 лет, стройный, подвижный и, я бы сказал, красивый.

В разведку пошли мы ночью, перед рассветом, когда, обычно, часовых клонит ко сну. Сплошной обороны у немцев не было, и вскоре мы оказались в ближнем тылу немцев.

Ночь, тишина. Луна то скроется за облаками, то выплывет. Идем тихо по тропинке. Вдруг впереди нас послышалась немецкая речь. Слышится она все громче и громче. Значит, говорящие приближаются к нам и, видимо, идут навстречу нам по той же тропинке. Судя по голосам, идут два человека. Решаем захватить их в качестве «языков». Даю сигнал Соплякову ложиться на дорогу и сам ложусь.

Луна скрылась. В тусклом свете мы, в серых шинелях, сливаемся с пыльной серой дорогой. Показались два немца. В руках каждого по котелку – несут завтрак на передовую. От немцев до нас осталось шагов 10–15. Дальше подпускать нельзя – увидят. Вскакиваем с криком:

– Hande hoch!

Автомат товарища и мой пистолет направлены на немцев.

Тут произошло непредвиденное. Немцы бросили котелки. Один из них поднял руки. Другой, отбросив котелок, в одно мгновение выхватил из-за пазухи пистолет и выстрелил в Соплякова, но, к счастью, промахнулся. От неожиданности мы на какое-то мгновение растерялись, а немец одним прыжком – в кусты, и был таков.

И тут поднялась кутерьма. И на передовой у немцев, и в тылу взлетают ракеты. Короткими очередями бьет где-то немецкий пулемет. Мы побежали к проходу в передовой. Пленного немца гоним впереди себя. Когда я ему подаю команду: «Am links!», стремится убежать налево. Когда подаю команду: «Am rechts!», стремится убежать направо. С «языком» пришлось

расстаться. Боялись опоздать выскочить через знакомый нам проход в переднем крае немцев. Сопляков дал по нему очередь из автомата.

Вырываемся из немецкой обороны и благополучно возвращаемся в роту, где нас считали уже покойниками. Так бесславно, по моей неопытности, закончилась наша разведка, которая заставила немцев насторожиться.

Утром, часов в 10–11, 1-я и 2-я роты батальона повели наступление на противника. Ротам была придана одна противотанковая сорокапятимиллиметровая пушка. Перед обороной немцев был большой лог. С нашей стороны скат его был гол, со стороны немцев – порос кустарником. Оборона немцев просматривалась плохо. В ходе атаки нам надо было преодолеть лог этот броском. Далеко, вправо от нас, лог постепенно исчезал, выравнивался, но мы знали, что там находится сильно укрепленная долговременная огневая точка противника. Решили броском преодолеть лог и, сбив немцев с переднего края, продолжать движение вперед.

Сначала все шло нормально. Роты вышли на рубеж атаки. Слайковский пода-

ет команду: «Вперед!». Немцы ведут интенсивный огонь. Огонь с фланга, где у немцев дот, мешает продвижению. Пули летят трассирующей строкой на высоте 20–30 сантиметров от земли. Второй и третий взводы замялись. Я перескакиваю через эту «строчку» и скрываюсь в балке. За мной – весь первый взвод, человек 20–25. В балке была большая промоина. Мы попадаем в нее.

До окопов гитлеровцев метров 20–25, не больше, но огонь немцев так плотен, что «носа не высунешь». В это время слышу крик:

– Токарев, принимай команду. Командир роты убит.

Как потом выяснилось, был убит и командир 2-й роты.

Кричу немцам, чтобы бросали оружие. Они тоже что-то кричат, но из-за грохота выстрелов разобрать ничего невозможно. Со стороны наших в лог больше никто не попал.

Я понимал, что теперь отвечаю за судьбу роты или даже двух рот, поэтому должен быть в курсе того, что делается наверху. Кроме того, нас могли уничтожить в этой промоине. В живых нас уже было меньше.

чем в начале атаки. Подаю команду: отходить перебежками. Один-два бойца перебежками отходят, остальные прикрывают их огнем. Операция удается. Из промоины взвод перебрался в одно из тупиковых ответвлений лога. Над этим аппендиксом оказался и расчет с противотанковой пушкой. Остальные взводы роты и вся 2-я рота остались на той стороне лога, откуда вели наступление.

Слева от нас появились два немецких танка, за ними – группа автоматчиков. Наша «сорокопятка», после двух или трех выстрелов, была разбита прямым попаданием из танка и сброшена в лог: Падая, она придавила одного бойца из расчета. Остальные артиллеристы были убиты или ранены.

Справа от нас немецкие автоматчики под прикрытием минометного огня пытались замкнуть окружение и отсечь взвод от основных сил. Но, понеся потери в ближнем бою от наших гранат, оружейного и автоматного огня, вынуждены были отойти. Положение наше оставалось критическим.

Наступление мы вели с пашни, где хлеб уже был сжат и стоял в суслонах. Все пространство между нашим логом и остальны-

ми силами рот было под прицельным огнем немецких снайперов, которые прятались за суслонами снопов. Несколько солдат взвода были убиты при попытке проползти пространство, простреливаемое снайперами.

Оставаться в логу мы тоже не могли, так как патроны были на исходе, а гранат уже не было. Сопляков попросил у меня разрешения попытаться еще раз преодолеть это опасное пространство, пополз и погиб.

Внезапно, по какой-то неизвестной для меня причине, огонь врага ослабел, и мы решили ползти. Первым пополз я, за мной – оставшиеся в живых солдаты. Проползли мимо всех, убитых снайперами, моих солдат, в том числе и Соплякова, с которым мы ночью ходили в разведку. Пуля попала ему в левый висок. Небольшая струйка крови вытекла из ранки на щеку и воротник гимнастерки. Смерть была, видимо, мгновенной.

Высоко в небе появилось несколько немецких самолетов, летевших к нам в тыл. Потом самолеты скрылись, а мы продолжали ползти и вскоре очутились на наших исходных позициях. Здесь царила полная неразбериха. Взводы и роты перемешались,

никто ими не руководил, каждый действовал по своему усмотрению. С большим трудом удалось собрать оставшихся в живых солдат и вывести их из-под огня. На этом наше наступление закончилось с огромными потерями для нас в людях и вооружении. Мы даже не смогли вынести с поля боя тяжелораненых бойцов.

В этом бою погиб мой связной – заботливый Галимов. Трупов Слайковского и Галимова я не видел. Позже все трупы подобрала похоронная команда полка, и я узнал. что Слайковский был убит пулей в лоб, а Галимов – осколком мины, попавшим в сердце.

Потери рот, оставшихся без командиров, были так велики, что нервы мои не выдержали, и я заплакал. Это были мои первые и последние слезы на фронте. Считаю, что трагедия двух рот произошла изза ошибок, допущенных в самом начале боя. Но ошибки были не только наши. По какой-то причине комбат капитан Жуков устранился от командования ротами. Формально ему, вероятно, нельзя предъявить обвинение.

Бой этот остался для меня памятным на всю жизнь. Не снимаю и с себя моральную

ответственность за понесенные тяжелые жертвы. Думаю, что сознание ответственности или вины заставило Жукова не придавать широкой огласке последствия боя.

Удивительно, что во время боя, и особенно тогда, когда взвод был почти окружен, когда, казалось, жизнь кончается, я был спокоен, четко отдавал приказания, подбадривал бойцов и даже шутил.

* * *

Позже в несколько похожее положение попал однажды наш батальонный штаб. Но тогда события развернулись на ровной местности. Ничто не предвещало боя. Все было спокойно. И вдруг – горячая схватка. Оказалось, какая-то немецкая часть или остатки ее, отходя к Днепру, неожиданно для себя и для нас наскочила на наш штаб батальона.

Один из танков врага почти вплотную подошел к штабу и вел огонь. Вслед за танком подошел немецкий бронетранспортер и тоже открыл огонь.

Я в это время по какой-то надобности был в штабе. Все, кто был в штабе или вблизи от него, заняли круговую оборону. Ата-

ка была отражена. Был подбит немецкий бронетранспортер. Взяли в плен нескольких пьяных немецких автоматчиков. Один из них был пьян настолько, что у него все время сползали штаны. Правда, потом уже не по его вине: наши бойцы срезали пуговицы, чтобы немец не мог убежать.

Интересно, что когда танк стреляет из пушки на близкое расстояние, то сначала слышен разрыв снаряда, а потом выстрел пушки.

14

Хутор Кресты

После памятного и столь трагичного по своим последствиям боя в логу стычек с врагом было много, но все они были более короткими, с осознанными действиями и с меньшими потерями, вплоть до форсирования Днепра.

Часто спрашивают, страшно ли бывает в бою. Я бы ответил: временами – да. Бой в наступлении бывает скоротечным. А дел столько, что для страха нет времени. После боя даже трудно бывает восстановить в памяти все детали его. Но до боя состояние

тревожное. Гнетет неизвестность: как все сложится, как все будет.

Но однажды я испытал страх иного порядка. Вот как это было.

Батальон двигался на марше и должен был занять исходные позиции для наступления. Впереди была оборона немцев. Было это, кажется, возле хутора Кресты. Комбат приказал мне, чтобы я поручил командиру первого взвода вывести роту на исходный рубеж, а сам задержался в штабе батальона для получения боевого задания.

Получив задание, я пошел на позицию роты. Был день. Шел я один по открытой местности. Вдруг со стороны противника, которого мне не было видно, провыла мина, и позади меня раздался взрыв. Спустя несколько секунд, снова позади меня, но уже гораздо ближе, разорвалась вторая мина. Третья мина разорвалась впереди меня. Я понял, что меня «взяли в вилку», и следующая мина будет моя. Я кинулся в заросшую репейником канаву, которая была рядом с дорогой. Мина упала на то место, где я перед этим был.

Полежав некоторое время в канаве, я вылез. И снова за мной началась охота.

Пришлось опять прятаться в канаву. Тут меня охватил страх: вдруг без меня случится что-нибудь с ротой, которая сейчас на передовой, а я все еще в тылу, и сочтут меня дезертиром!

Решил ползти по канаве, пока можно. Прополз метров 300, потом вылез. Обстрела больше не было. До роты добрался благополучно. За время моего отсутствия происшествий не было. Бойцы уже вырыли окопы для стрельбы из положения «лежа».

Впереди нас была оборона немцев. Но, как у них было заведено, в окопах находился только дежурный персонал, а остальные были на хуторе. Впереди немецкой обороны стоял танк «Тигр», но стрельбу он не вел. От нас до «тигра» было метров 150–200.

Роте был придан расчет ПТР – противотанкового ружья, 2 человека, во главе с командиром взвода ПТР лейтенантом, фамилию которого я не помню. Из противотанкового ружья лобовую броню «тигра» не пробьешь. Не было у нас ни противотанковых гранат, ни бутылок с зажигательной смесью «КС». Да если бы они и были, подползти к танку не представлялось возможным. Пространство перед танком простре-

ливалось ружейным, пулеметным и автоматным огнем.

На этом рубеже мы пробыли до обеда следующего дня, изредка ведя перестрелку с немцами, не продвигаясь вперед. Вечером пошел дождь, и шел он всю ночь. Утром подошел еще один «тигр» и встал рядом с первым. Из первого «тигра» прокричали:

– Русь, завтракать!

И первый «тигр» ушел на хутор, а второй остался.

Командир взвода ПТР решил «прощупать» огнем противотанкового ружья броню «тигра». И хотя я говорил ему, что путного из этого ничего не получится, он не послушался. Пуля из противотанкового ружья, ударив в лобовую броню «тигра», которая достигала 200 мм толщины, высекла искру, не причинив ему никакого вреда. Сразу же ствол пушки танка начал опускаться дульным тормозом вниз. Ударил выстрел, и наш расчет ПТР погиб. В живых остался лишь командир взвода. А так как во взводе у него бойцов больше не было, он временно стал исполнять обязанности командира стрелкового взвода. Больше потерь не

было. На следующий день немцы отошли, и нам опять пришлось их догонять.

На первом этапе войны широко и довольно эффективно использовались бутылки со смесью «КС». Но в обращении с ними требовалась большая осторожность. Мне пришлось однажды видеть нашего бойца, горевшего как факел. В его бутылку со смесью «КС» попала пуля, и жидкость воспламенилась. Использовалась эта смесь от нужды, а не по причине большого эффекта.

15

«Наши» танки

Далеко не каждый населенный пункт мы брали с бою. Когда, по данным нашей разведки, в том или ином селе, хуторе, деревне не было противника, мы проходили населенный пункт цепью.

Как-то под вечер, прочесав очередную на нашем пути деревушку, батальон вышел на противоположную ее окраину. И, хотя до следующей деревушки было километра полтора, ее хорошо было видно, дальше не пошли. Решено было заночевать здесь. Рядом стояли заросли вымахавшей за лето

выше человеческого роста кукурузы. В глубине их просматривались два наших танка. Расположились метрах в 15 от них.

Ночь прошла спокойно. Утром, позавтракав, двинулись в направлении деревушки, которую видели накануне. Деревушка стояла на пригорке, как на ладони. Перед деревушкой небольшая ложбина. И даже не ложбина, а небольшое понижение рельефа.

Едва ротная цепь отошла метров на 100–150, как в спину нам ударили пулеметные очереди. Танки, которые стояли в кукурузе и которые мы, приняв за свои, считали своей защитой, теперь били по нам. Не знаю, почему молчали их пушки. Видимо, был израсходован весь боекомплект.

Хотя удар и был неожиданным для нас, но потерь больших не было. Сразу попадали на землю и начали лихорадочно окапываться. Пришли на память слова преподавателей пехотного училища: «Малая саперная лопата – ваш первый друг. Землю вы полюбите и будете прижиматься к ней, как к родной матери».

И мы действительно готовы были втиснуться в нее. Пулеметные очереди трассирующими пулями секли так низко над

нами, что, казалось, вот-вот пройдут по головам. Спасало нас то, что понижение местности делало нас недосягаемыми для огня танков. Постреляв некоторое время, танки ушли. После этого случая, располагаясь на ночлег, мы стали более осмотрительными.

Путь, который нам пришлось пройти от Пархомовки до Днепра, составляет всего около 180–200 километров, но потратили мы на него полтора месяца. В изобилии были уда́чи и неудачи.

Многое память не сохранила. Многих уже нет в живых.

В одном из пополнений, пришедших в роту, было много хорошей молодежи. Кто-то после курсов младших лейтенантов (Борисов, Перминов), кто-то после школы. Моим связным стал 17-летний Боря Молев. Как и Галимов, он очень добросовестно выполнял свои обязанности. Я привязался к Борису, старался, по возможности, оберегать его от всяких случайностей. Но война есть война. Как сложилась его судьба – мне неизвестно.

В сентябре 1943 года в моей жизни произошло важное событие: меня приняли кандидатом в члены ВКП(б). На прием

в штаб дивизии и обратно шли под огнем противника. После этого события полки дивизии все время были в движении. Потом я был ранен и кандидатскую карточку не получил. Уже после убытия из армии по ранению, работая на металлургическом заводе, я через райком КПСС пытался разыскать мою кандидатскую карточку, но из Политуправления Советской Армии ответили, что документы утеряны. Пришлось вступать в партию вновь, начиная с кандидатского стажа.

Тетрадь № 6

НА ФРОНТЕ И В ГОСПИТАЛЯХ

1

Бои у железной дороги на ветке Глобино – Кременчуг

Рота вела наступление на немцев, засевших в деревушке, и под огнем противника залегла за насыпью железной дороги. Комбат, как всегда, торопил с продвижением. Обычно это вело к большим потерям. Хотя его тоже можно было понять: его торопил командир полка. Однажды при такой поспешности мы, потеряв из роты 13 человек убитыми, не добились никаких результатов.

В том бою солдаты узнали от телефониста, что огневые точки не подавлены, а

комбат, несмотря на это, требует продвижения вперед.

Стали поговаривать, что если комбат появится на участке роты, то не уйдет живым. Мне об этом сказал мой связной Молев. Молеву я приказал передать солдатам, что если это преступление совершится, то первым расстреляют меня. Больше таких разговоров не было.

За промедление с наступлением мне часто по телефону приходилось слышать и непечатную брань Жукова, и угрозы расстрелять, но я мало обращал на это внимания, если видел, что спешка принесет не успех, а одни потери. Знал также, что комбат горяч, но отходчив, а на передовой не появится.

И сейчас, как ни торопил Жуков, я выжидал. С юго-запада в нашем направлении шла свинцово-синяя туча, которую все время перечеркивали молнии, глухо рокотал гром. Вдали начинался дождь. Под завесой дождя я рассчитывал с меньшими потерями выйти на рубеж атаки.

Хлынул дождь – видимости почти нет. Рота начала продвижение. Налетевший шквал быстро промчался. Опять засветило

солнце, но цепи уже приближались к рубежу атаки. И тут 1-й взвод сбился с направления. Я побежал к нему, чтобы поправить положение.

Пробегая по фронту наступающей цепи, увидел командира 3-го взвода младшего лейтенанта Перминова. Он лежал позади цепи, уткнувшись лицом в землю. Подумал: «Убит или ранен?» Останавливаться было некогда.

После того, как движение 1-го взвода было выправлено, окликнул санитара. Подбежал санитар роты Ахметов, однофамилец бывшего политрука. Говорю ему:

– Беги в 3-й взвод. Там Перминов. Убит или ранен – не знаю. Если ранен, окажи помощь.

Ахметов мнется, не спешит выполнять приказание. На участке 3-го взвода густо падают мины. Правда, поражаемость небольшая – почва болотистая. Но бежать туда страшно: шуму много, да и пулеметы врага не молчат. Невыполнение бойцом приказа командира в боевой обстановке – тягчайшее преступление. За невыполнение приказа командир имеет право расстрелять бойца на месте. Моего решения

ждут все, кто находится рядом, и, конечно, сам Ахметов.

Мой приказ не является боевым приказом в полном смысле этого слова. В то же время, это приказ бойцу в боевой обстановке. Понимаю, что Ахметов впервые попадает в такую ситуацию, что он хороший солдат, что потом он привыкнет, если можно привыкнуть к страху, и будет исправным бойцом, что у него, наверное, есть семья.

– Чего ты боишься? – говорю я Ахметову. – Побежали!

И я побежал в 3-й взвод. Ахметов – за мной. Подбежав к Перминову, я перевернул его на спину. На лбу офицера чернело небольшое пятнышко – входное отверстие пули. Младший лейтенант был мертв. Этот сын удмуртского народа был молод, при жизни скромен и молчалив.

Бой был скоротечным, но потребовал напряжения всех физических и моральных сил каждого из его участников. Немцев выбили из села. Потери с нашей стороны были не очень большие. Из офицеров погиб один Перминов.

Без потерь боев почти не бывает.

2

«Ой, Днипро, Днипро»

В последних числах сентября 1943 г. батальон занял свободное от немцев небольшое селение на берегу Днепра. Дома в селении пустовали. Ранее они были захвачены оккупантами, а жители вырыли себе в крутом овраге норы-землянки и в них жили. Немцы покинули село, но селяне не успели еще вернуться к родным очагам. Кругом все было спокойно.

Несколько человек, и я в том числе, спустились вниз к реке и угощались мочеными яблоками, которыми нас одаривали сельчане. Вдруг наверху поднялась стрельба. Мы кинулись туда. Видим, что по улице стреляя мчится немецкий бронетранспортер. Оказалось, что мы, сами того не зная, перерезали путь какой-то немецкой части, отступавшей вдоль Днепра к Кременчугу.

Бронетранспортер был нами подбит. Батальон занял круговую оборону. Через некоторое время к окраине села подошло несколько средних немецких танков. Единственная батальонная 45 мм противотан-

ковая пушка, стоявшая у главного въезда в село, скоро была ими разбита. Комбат приказал мне послать одного смышленого бойца или младшего командира в том направлении, откуда танки вели огонь, и выяснить численность танков. Из-за кустов их не было видно. Об их количестве можно было судить только по выстрелам танковых пушек.

Командиром одного из отделений был младший сержант, фамилию которого сейчас уже не помню. Родом он был из Башкирии. Я послал его на выполнение задания комбата. Он побежал, но сразу же допустил две ошибки: побежал перебежками по простреливаемой гитлеровцами дороге и упал возле пристреленного немцами места – возле нашей разбитой пушки. Секунду спустя на этом месте рыжим снопом взметнулось пламя, и младший сержант больше не поднялся.

Бой с немецкими танками и фашистской пехотой длился до вечера. Наша оборона не была сплошной, и окопы были вырыты для стрельбы лежа.

В вечерних сумерках несколько танков противника сумели пройти через нашу обо-

рону, но дальше почему-то не пошли и возвратились на исходные позиции. Всего было 5 или 6 танков. Один танк был подбит противотанковой гранатой. Село мы удержали. Немцы отступили.

На другой день нашли труп младшего сержанта. Опознали мы его только по комсомольскому билету, который нашли в кармане гимнастерки.

С тех пор прошло больше 35 лет, но и сейчас гложет это горькое воспоминание. Если бы я не послал его тогда, может быть, он остался бы в живых, воюя до конца войны.

3

Форсирование Днепра

Форсирование Днепра было важной вехой в истории Великой Отечественной войны. За проявленный героизм, умелые действия при штурме обороны немцев на правобережье около двух с половиной тысяч солдат, офицеров и генералов Советской Армии были удостоены звания Героя Советского Союза, десятки тысяч награждены орденами и медалями.

На подходе к Днепру наша 4-я гвардейская армия сменила двух командующих. В начале третьей декады сентября 1943 г. был смещен с этого поста Г. И. Кулик. Назначенный вместо него на должность командующего армией генерал А. И. Зыгин 27 сентября, возвращаясь на машине в свой штаб в деревне Бирки, подорвался на мине близ села Кирьяковка. Это была двухъярусная мина с очень мощным зарядом.

Похоронен командарм в Полтаве. У села Кирьяковка на месте его гибели установлен обелиск. Правление колхоза учредило для лучших тружеников ежегодную премию имени генерала Зыгина.

После гибели А. И. Зыгина командующим 4-й гвардейской армии был назначен генерал-лейтенант И. В. Галанин, командовавший до этого 70-й армией.

К Днепру армия подходила изрядно потрепанная в боях, с сильно поредевшими в численности соединениями, частями и подразделениями. Поступающее пополнение было в основном пожилого возраста. Это были люди из освобождаемых нами сел и деревень. Обмундирования не хватало. Воевали в той одежде, в какой пришли. В шут-

ку мы их называли чернорубашечниками, так как многие из них были одеты в темные рубашки.

Часто бывало так: сегодня пришло пополнение, а на другой день люди уже идут в бой. Даже фамилию солдата не успеваешь запомнить, не говоря уже о каких-то других данных о нем.

В роте осталось не более 10–15 человек, воевавших под Сталинградом. Давно уже не было ни лошадей, ни повозки. Все вещи и станковые пулеметы несли на себе.

Тридцатого сентября наш 204-й гвардейский стрелковый полк вышел к Днепру, приблизительно в том месте, где должен был его форсировать. День был солнечный и жаркий. В одном из заливчиков Днепра мы с командиром 1-го взвода младшим лейтенантом Борисовым искупались. Вода на мелководье прогревалась солнцем и была теплая.

В течение трех или четырех дней полк все время менял позиции и, наконец, закрепился на берегу реки; покрытом довольно густым лесом. Противник все время вел артиллерийский обстрел нашего левого берега беспокоящим огнем – один выстрел

в минуту или в 30 секунд. Но обстрел был не прицельным, а по площадям. Снаряды рвались в нашем ближнем тылу или где-то в стороне, не причиняя нам большого ущерба.

Четвертого октября комбат приказал мне выслать на правый берег Днепра разведку в количестве одного взвода. Вечером того же дня 1-й взвод, человек 15–17, во главе с Борисовым был переправлен на правый берег на лодке двумя полковыми саперами. Больше я Борисова не видел.

Пятого октября, когда взошло солнце и разогнало утренний туман над рекой, часов в 10–11 утра, на той стороне реки поднялась стрельба. Через несколько минут на отмель выскочили человек 6–7 наших солдат, отстреливаясь от преследовавших их немцев. Тяжело, когда у тебя на глазах гибнут твои люди, а ты не имеешь права даже пальцем пошевелить для их защиты. Было строжайше запрещено чем-либо выдавать свое присутствие. Через несколько минут все было кончено. На отмели были лишь трупы. Картина гибели взвода тяжелым камнем легла на сердце каждого из нас, кому довелось ее наблюдать.

В тот же день мы стали готовиться к предстоящей переправе: получали боеприпасы, неприкосновенный запас продовольствия, чистили оружие, подгоняли обмундирование, проверяли обувь. Бойцам разъяснялась задача. В 18–00 наша рота, первая в полку, должна была начать форсирование Днепра на двух лодках, управляемых саперами. От роты уже осталось только два взвода, человек 45–50.

Состояние у меня было напряженно-тревожное, как бы в предчувствии беды. Возможно, сказывалось моральное потрясение после гибели разведчиков.

Переправа через Днепр началась позже намеченного времени, в 19–00, и неудачно: первая лодка опрокинулась. Никто не утонул, но личное оружие нескольких бойцов осталось на дне реки. Комбат приказал не задерживаться. Тем, у кого нет оружия, добывать его на поле боя.

Уже было совсем темно, когда лодки двинулись через реку. Я был во второй лодке. Противник обнаружил нас сразу же. С высокой правобережной части Днепра ударил тяжелый пулемет, за ним – второй. Светящиеся трассы пуль пересекли реку и,

казалось, летели над нашими головами. Потом «заговорила» артиллерия противника. Однако наши лодки без потерь достигли противоположного берега. Рота заняла оборону метрах в 30 от уреза воды в окопах, которые остались еще от первого года войны. Окопы эти были мелки и годились только для ведения огня из положения «лежа», но они были, как никогда, кстати. Не было сомнения в том, что немцы сразу же попытаются сбросить нас в реку.

Взводы занимали окопы, а я задержался возле лодок. Надо было с саперами отправить обратно раненого бойца. Вдруг вижу двух человек, бегущих к лодкам. Подбежали к одной из них и собираются оттолкнуть ее от берега.

– Стой! Кто такие? – подбегаю к ним.

Выяснилось, что это бойцы из взвода Борисова. Накануне вечером взвод наскочил на засаду немцев. Часть людей погибла, оставшиеся в живых – разбежались. Что стало с Борисовым, они не знают. Отправил этих бойцов в окопы, сказал саперам, чтобы плыли обратно, а сам побежал к роте.

Нас, по существу, горсточка людей осталась на правом берегу Днепра. И мы не

знали, какие перед нами силы немцев, и чем они располагают.

Артиллерийский огонь по реке усиливался. На немецкой обороне беспрерывно взлетали осветительные ракеты. Вскоре немцы пошли в атаку, ведя ружейный, пулеметный и автоматный огонь. Артиллерийского и минометного огня по нашим позициям не велось. Вероятно, из опасения поразить в темноте свои наступающие цепи.

Когда противник приблизился до расстояния, при котором слышны голоса, мы услышали брань на русском языке и чисто русского характера. Полагаю, что наступала какая-то власовская часть, одна или совместно с немцами.

Атакующие были так близко, что появилась опасность вторжения их в нашу оборону. Мои «чернорубашечники» не стреляли, уткнулись в окопчиках вниз лицом. Не ожидая когда нас, лежащих в окопах, перебьют, решил поднять бойцов в контратаку. Выскочил из окопа и с криком: «За Родину! За Сталина!» – побежал вперед. Оглянулся. За мной и вокруг человек 8–10 бойцов из тех, кто воевал в Сталинграде. Остальные даже не подняли головы из окопов.

Эти люди в начале войны побывали в плену. Были они пожилые, и немцы отпустили их по домам, чтобы они сеяли и выращивали хлеб для завоевателей. И теперь они решили, что лучше пролежать. Если попадут в плен, снова будут пахать и сеять. Чтобы стрелять из окопа, надо поднимать голову. Могут убить. Короче говоря, никто из них и пальцем не пошевелил для своей защиты.

Возвратившись к окопам, я вновь пытался поднять бойцов и увлечь их за собой. Ни о какой победе я уже не думал. Для меня было ясно, что в этой схватке ее не будет – не те это люди, к которым она приходит. Но дать врагу возможность легкой победы, не нанеся ему ущерба, – преступление, нарушение воинского долга и присяги. И нет ничего позорнее, чем дать убить себя и своих солдат без сопротивления, как баранов на бойне.

И я вновь выскочил вперед. Вдруг – удар в левую ногу. Мне показалось, что ударили чем-то вроде палки. Я споткнулся и упал. Наган выпал из моей руки и отлетел в сторону. Куда он упал, мне не было видно. Было темно. Ночь озарялась лишь вспыш-

ками выстрелов и колеблющимся светом взлетающих немецких ракет. Кто-то из бойцов крикнул:

– Командир ранен!

Ко мне подбежал санитар:

– Куда ранены, товарищ гвардии лейтенант?

– В левую ногу. В какое место – не знаю.

Он разобрался:

– Ранены вы в колено. Полный сапог крови.

Санитар стянул сапог и стал поверх штанины заматывать бинтом ногу. В это время к нам подбежал парторг роты старший сержант Коротченко. Офицеров в роте уже не было.

– Коротченко, – говорю, – принимай командование ротой. Командовать, лежа в темноте, я не смогу.

– Товарищ гвардии лейтенант, у меня нет оружия. Мой автомат вышел из строя от осколочного попадания в него.

– Оружие найдешь на поле боя, а пока возьми гранаты. – Вынимаю из карманов шинели две ручные гранаты – мой запас.

Коротченко, схватив гранаты, убежал. Санитар закончил перевязку. Особой боли

я не чувствовал, но нога все тяжелела и тяжелела и казалась не своей. Хотелось пить. До реки было метров тридцать. Перевернувшись на правый бок, я попросил санитара помочь мне добраться до воды. С его помощью добрался до реки и отпустил его:

– Беги к роте. Сейчас там в тебе будет большая нужда.

Напился.

Когда меня ранило, я как-то и не испугался. И, не почувствовав особой боли, подумал, что ранен в колено, а как все оказывается просто: вот и боли даже нет.

В том направлении, где осталась рота, послышались крики и частые взрывы гранат. Продолжалось это минуты две-три. Потом наступила тишина. И эту тишину нарушали лишь звуки, похожие на те, когда падает винтовка на землю. Тяжелое падение в сочетании с металлическим дребезжанием. Скоро стихли и они.

Я подумал, что рота погибла. Часть бойцов, таких как Коротченко, Ерофеев, Ерохин и кое-кто еще из тех, кто защищал Сталинград, видимо, убиты. А «чернорубашечники» сдались в плен.

Через некоторое время мое внимание привлекли звезды. Но почему они так низко над землей? И движутся по направлению ко мне в виде дуги, захватывая все пространство впереди меня? Может быть, я уже в бреду? Но я осознаю все, что меня окружает. И чувствую физически себя не очень плохо. И вдруг меня осенило: это же светят электрические фонарики.

Кое у кого из наших командиров и бойцов были электрические фонарики, трофейные, еще из Сталинграда. Но батарейки давно уже выработали свой ресурс. Значит, это немцы прочесывают прибрежную полосу – не осталось ли на ней русских.

Минут через пять они обнаружат меня. Что тогда со мной будет? Сразу меня убьют или будут мучить? В том, что меня убьют, я не сомневался. Во-первых, вряд ли они будут возиться с тяжелораненым офицером. Во-вторых, они знают, что Днепр форсирует армия, воевавшая в Сталинграде. Армия, которую они люто ненавидели.

Положение было безвыходное. Я даже не мог застрелиться – нечем. Попытаться переплыть реку? Но ведь это Днепр. Еще Гоголь писал, что редкая птица долетает до

середины Днепра. Может быть, это преувеличение, но река широка, а я ранен, в одежде. Шансов на то, что я переплыву реку, очень мало, хотя плаваю я неплохо. Но лучше утонуть в реке, чем попасть в плен, даже раненым.

Снял с себя шинель, снял сапог со второй ноги, достал из полевой сумки документы и переложил их в карманы гимнастерки. На правом боку вполз в воду и, отталкиваясь правой ногой о дно реки, полз до тех пор, пока не встал на дно. Потом скакал на одной ноге. Когда достиг глубины. при которой можно было уже плыть, поплыл. Работал только руками, изредка помогая здоровой ногой.

Плыл в полной темноте, озаряемой только вспышками орудийных выстрелов и мертвенным светом взлетающих в небо немецких ракет. Устал. Лег на спину и плыл на спине, давая отдых рукам, изредка пошевеливая ими, чтобы не было вращательного движения тела и перевертывания на живот. В это время река несла меня вниз по течению.

Плывя в темноте на спине, боялся сбиться с курса и приплыть опять к немцам.

Поэтому не позволял себе длительный отдых. Временами выплывал на мелководье. Когда чувствовал дно, начинал прыгать на одной ноге.

Так я постепенно приближался к своему берегу, не видя его. И только когда рука моя коснулась твердой земли, я понял, что это желанный берег. Но вылезти на него я не мог. Берег был хотя и невысоко над водой, но крут, и грунт был слаб. Как только я пытался вылезти, так он обрушивался под тяжестью тела, и я с головой уходил под воду, не доставая ногами дна. Силы мои стали иссякать. Я уже несколько раз захлебывался. Однако на помощь не звал. Не было полной уверенности, что это свой берег, да и неловко было показывать свою полную беспомощность.

При очередной неудаче, нахлебавшись воды, я понял, что при следующей неудаче мне будет конец. И крикнул, позвал на помощь. Правда, негромко, услышав, как кто-то ниже меня по течению реки вычерпывает из лодки воду железным ведром или банкой.

После моего крика звуки прекратились и послышался голос:

– Кто здесь?

Поняв, что это свои, русские, и, быть может, даже из нашего полка, я ответил:

– Шестьдесят четвертый, – мои позывные по телефону.

– Это Вы, товарищ гвардии лейтенант?

– Я!

– Держитесь! Мы сейчас поможем.

В это время я стал погружаться – не было больше сил держаться на воде. Успел сказать только два слова:

– Все, поздно.

Потом почувствовал, как меня за воротник гимнастерки и за волосы вытаскивают из воды и втаскивают в лодку. Как я узнал потом, бойцы только успели столкнуть с берега лодку и ударить раз или два веслами по воде, как меня, погружавшегося в воду, поднесло течением прямо к лодке. Удар веслами – лодка у берега.

Меня спрашивают, могу ли я бежать. Берег под артиллерийским огнем противника. Отвечаю, что попробую. Но как только я наступил на раненую ногу, так от страшной боли, пронзившей все тело от пятки до макушки, повалился на землю.

Двое бойцов подхватили меня под руки и потащили от берега. Притащили в лощин-

ку. Там на разостланном брезенте лежал раненый солдат. Положили меня рядом с ним. Накрыли нас обоих плащ-палаткой и убежали.

В этой лощинке я пролежал всю ночь в мокрой одежде, трясясь от озноба.

Утром пришли подводы за ранеными. На каждую телегу положили по два-три раненых, и обоз в сопровождении военфельдшера тронулся в путь. К полудню стало жарко. Томила жажда. Чувствовал я себя плохо, открылось сильное кровотечение. Фельдшер все время кричал ездовому:

– Как там лейтенант?

Ездовой, заглядывая под телегу в том месте, где я лежал, отвечал одним словом:

– Течет.

Кровь текла из раны в ноге, просачивалась сквозь солому, на которой я лежал, и щели в телеге и капала на дорогу.

Спустя какое-то время, раненого, который лежал со мной в телеге, переложили на другую телегу, оставив меня одного. Военфельдшер приказал ездовому:

– Гони, что есть духу, а то мы не довезем лейтенанта живым!

Ездовой погнал, не жалея лошадей, не выбирая дороги.

Мне казалось, что из меня вытрясут всю душу. Я уже плохо соображал, куда меня везут и зачем. Боли уже не чувствовал. Было очень жарко, хотелось пить и спать, но тряска не давала уснуть. Воды тоже не было. А солнце палило нещадно.

В ГОСПИТАЛЯХ

1

Санбат

Я, хотя и назвал эту главу «Санбат», не уверен, что медицинское подразделение, куда меня привезли после ранения, было санитарным батальоном. Возможно, это был армейский госпиталь. Но большого значения для моего рассказа это не имеет, и я буду называть его санбатом.

В санбат привезли меня днем 6 октября. Сначала ввели противостолбнячную сыворотку. Потом уже под общим наркозом произвели частичную резекцию коленного сустава. Проснулся я на операционном

столе, когда мне делали прямое переливание крови. Рядом стоял другой стол, на котором лежала медицинская сестра. У нее брали кровь для переливания. У нее была кровь первой группы, а у меня – второй. К сожалению, фамилию этой женщины, ставшей моей кровной сестрой, я не запомнил. Впоследствии мне делали переливание крови еще пять раз.

Ночью мне казалось, что на мою ногу наехал грузовик, и мне очень тяжело его держать. Я всем телом ощущал эту тяжесть. Утром меня понесли на перевязку. Боли в ноге я не чувствовал. Не было ее и во время перевязки. Боли не было 5 или 6 дней. Мне не хотелось ни есть, ни пить, ни разговаривать, ни думать. Было полное безразличие ко всему окружающему и к себе самому.

Медики называют это состояние тормозной фазой шока. Состояние это опасно для жизни. Врачи делают все, что от них зависит, чтобы вывести больного из шока, но, к сожалению, не всегда это удается. Позже мне приходилось видеть, как умирали раненые, не выйдя из шока.

Через несколько дней у меня начал появляться интерес к окружающему, и при-

шла боль. На перевязках я не мог удержаться от крика. Была нестерпимая боль в ноге. когда ее приподнимали. Казалось, даже дыхание сестры, державшей ногу, вызывало болезненное ощущение. Не знаю, сколько дней я пролежал в санбате, и где находился этот санбат.

Следующим этапом был госпиталь на станции Глобино. Глобино – железнодорожная станция на участке дороги Ромодан – Кременчуг Полтавской области.

Первая процедура, когда раненый попадает в госпиталь, – это его мытье. Я очень не любил санпропускники за холод, который в них царил. Думается, не один тяжелораненый получил в санпропускнике воспаление легких, плеврит или абсцесс. Я склонен думать, что абсцесс правого легкого я получил, простудившись в санпропускнике, хотя мне говорили, что он мог быть из-за застоя крови в легких.

2

Глобино

Госпиталь помещался в зданиях бывшего сахарного завода. Палата, в которой я

лежал, – бывший Красный уголок завода. Это был огромный зал со множеством коек. Вечерами, до 11 часов, палата освещалась электрическим светом от динамки, приводимой в движение трактором. После 11 часов горел «жировичок» на столе у дежурной сестры при входе в палату.

В госпиталях бывают не только трагические истории, но иногда и комические случаи. Со мной в палате лежал старший лейтенант интендантской службы. У него было такое же, как и у меня, пулевое ранение в коленную чашечку. Получил он это ранение так. Ехал в повозке под хмельком откуда-то. Лошадью правил крестьянский мальчик-подросток. Мальчик попросил посмотреть пистолет и нечаянно выстрелил. Пуля попала офицеру в колено. Интенданту было под пятьдесят. Нога у него покоилась в гипсе с корсетом для полной фиксации. Гипсовая повязка, доходя до паха, поднималась вверх и образовывала пояс вокруг торса.

Однажды ночью, когда палата уже была почти погружена во мрак и освещалась только жировичком, интенданту потребовалось судно. Судно принесли. Через

некоторое время раздалось сильное шипение, а затем крик интенданта:

– Тону!

Оказалось, что острые камешки, которые были в гипсе, прокололи стенку надувного судна.

А однажды няня, не разобрав в темноте, где ноги, а где голова, поставила мне на лицо жестяную утку-самоделку. Я отбросил ее рукой, и она, загрохотав по полу, тоже разбудила всю палату.

* * *

Был ноябрь. Снег еще не лег на землю, листья с деревьев уже опали, но дни стояли солнечные. Меня на носилках каждый день выносили на воздух. Носилки ставили за ветром возле кирпичной неоштукатуренной стены. Рядом с моими носилками ставили носилки с раненым солдатом. На воздухе мы бывали подолгу. Больше молча, лишь изредка перебрасываясь словами. Мы смотрели, как наши штурмовики с прифронтового аэродрома летали на боевые задания. Считали, сколько самолетов улетело и сколько возвращалось назад. Но однажды носилки с солдатом не принесли.

Ночью у него открылось сильное кровотечение, и он умер.

Мои дела тоже день ото дня становились хуже. Снижалось количество гемоглобина, держались лихорадочное состояние и субфебрильная температура, под коленом раненой ноги образовались полости, наполненные гноем. Отсутствовал аппетит. Была проведена еще одна операция: удалены остатки коленного сустава, нижняя часть бедра с сохранением небольшой перемычки, верхние доли большой и малой берцовых костей.

После первой операции врачи обещали ограниченную подвижность сустава. А теперь сустава уже не было. Был сепсис в результате инфекции, занесенной в рану грязными водами реки и тканью брюк. Был острый нефрит. Подозревали туберкулез. Где-то в Глобино или в Кременчуге сделали рентгеновский снимок легких. Туберкулеза не было, был абсцесс правого легкого. Инфекция попала в кишечник, и меня очень мучила диарея, а врачи заставляли больше есть: «Никаких ограничений в еде!»

Начальник госпиталя распорядился давать мне в неограниченном количестве

все, что я пожелаю, разумеется, из того, что имеется в наличии. Для улучшения аппетита прописали водку, по 50 граммов перед обедом. Но я не мог ни есть, ни пить.

В один из дней поздней осени в госпиталь приехал навестить больных священник. Он привез очень много куриных яиц. Мне стали давать сырые яйца, столько, сколько смогу выпить. Я пил по 3 яйца в день, потом по 5–6. И привык к ним. Позже, когда лежал в других госпиталях, тоже пил яйца. Покупали их у населения медицинские сестры на мои деньги. Вслед за яйцами стал употреблять сливочное масло, растворяя его в молоке или чае. К хлебу у меня было почему-то отвращение, я не мог его есть. Спустя какое-то время я начал есть и мясо. Сепсис стал отступать, но абсцесс приобрел более тяжелую форму.

Нашу палату вела врач-ординатор Тоня. Она была очень внимательная, добросовестная и глубоко переживала за состояние каждого раненого, но врачебного опыта у Тони еще не было. Лечила она меня микстурами и горчичниками, но болезнь не отступала.

Пришло время, и Тоню отправили во фронтовой госпиталь на курсы повышения

квалификации. Ее обязанности стал временно исполнять пожилой врач-рентгенолог, тот самый, который поставил мне диагноз: абсцесс правого легкого. Все предписания Тони он отменил, а мне сказал:

– Я хочу попробовать на вас одно лекарство. – Он назвал это лекарство. – Им лечат венерические болезни, но часто оно дает хороший результат и при лечении таких заболеваний, как у вас. Думаю, – сказал он, – что недели через две мы разделаемся с абсцессом легкого и тогда примемся за другие болезни.

Придя вечером в палату, он сам ввел мне в вену это лекарство. Ночью у меня поднялась температура до 40,1 градуса. Дежурная сестра испугалась и вызвала его. Врач пришел, осмотрел меня и сказал:

– Все в порядке. Так и должно быть. Это реакция организма. Через неделю сделаю Вам еще инъекцию.

Через неделю он сделал повторно инъекцию. И опять была такая же реакция. Спустя несколько дней у меня началось усиленное отделение мокроты из легких. А еще через неделю с абсцессом легкого было покончено. Позже, до образования

спаек, даже на рентгеновском снимке врачи не определяли залеченный абсцесс. Только в первый год после выхода из госпиталя правый бок был очень чувствителен к малейшему ветерку. Я надевал на себя теплый жилет, который мне сшила жена.

Шли дни, недели. На смену осени пришла зима. Я лежал с загипсованной ногой и с корсетом на поясе, а срастания в колене не было. Через «окно», проделанное в гипсе, делали перевязки. Это было не так болезненно, потому что нога была в покое.

К декабрю 1943 года линия фронта уже была далеко от Глобино. Артиллерийской стрельбы не было слышно, как это было в первые недели моего пребывания в госпитале. Тогда гул артиллерийской канонады за Днепром настораживал и вызывал опасение, как бы немцы не пошли опять на нас и не захватили госпиталь. Аэродром, за самолетами которого мы наблюдали, перебазировался ближе к фронту. Наш госпиталь тоже должен был переезжать ближе к передовой. Всех тяжелых раненых решили отправить санитарными самолетами в тыл.

Зимним утром нас на санях вывезли на полевой аэродром, куда должны были при-

лететь самолеты санитарной авиации. На аэродроме мы пробыли часа три или четыре, но самолеты так и не прилетели. Нас вернули в госпиталь.

Но госпиталь должен был двигаться вслед за уходящим фронтом. Оставив раненых, находящихся в тяжелом состоянии, в Глобино, госпиталь уехал. С ранеными остались несколько медицинских сестер, несколько работников питания и врач-терапевт, но уже с хирургическим опытом, Неонила Абрамовна.

Неонила Абрамовна была одесситка лет 45–48, опытный врач и душевный человек. Часто вечерами она беседовала со мной, находя слова утешения и ободрения. В них я очень нуждался. О нас хорошо заботились, спрашивали, что бы мы хотели поесть. Однажды, выполняя мое пожелание, врач послала сестру в село за соленой капустой. В другой раз приготовили пельмени – вареники с кусочками отварного мяса внутри.

И врач, и другие работники госпиталя заслуживали самой большой благодарности. Но бывали случаи, когда вместо благодарности им платили черной неблагодарностью.

Бывали даже случаи, нечасто, когда раненые набрасывались на врачей с кулаками и костылями. Попадались капризные больные. Помню, это было уже в Кременчуге, к нам в палату положили молодого лейтенанта. Ранение у него было не тяжелое, в ногу, без травмы кости. Но у него было очень много неоправданных претензий к медсестрам. И тогда мы, остальные раненые палаты, сказали ему, что если он не прекратит издевательства над сестрами, то мы попросим ходячих раненых, чтобы они выбросили его из нашей палаты. Капризы прекратились.

Когда госпиталь уехал из Глобино, в палате нас осталось трое: капитан – начальник полевой почты после операции по поводу воспаления среднего уха, лейтенант Толя Тульский с ранением в голеностопный сустав и я. Капитан уже поправлялся. В Глобино у него была не то хорошая знакомая, не то хозяйка квартиры. Женщина носила капитану очень вкусные украинские борщи, которые по-настоящему умеют готовить только на Украине. Капитан всегда угощал меня ими, а я не отказывался.

Толя был москвич. Ранение у него тяжелое – раздроблен голеностопный сустав.

И был сепсис. Толя ничего не ел, и ему с каждым часом становилось хуже. Температура была нормальная, но он бредил. В бреду он говорил:

– Токарев, поедем в Москву! Только поедем на лошадях, но править ими будешь ты. У меня сильно болит нога. Я не смогу ими управлять.

– Хорошо, – говорю, – буду править.

Толя умолкал на некоторое время. Потом говорил:

– У меня мама добрая. Она нас хорошо встретит.

Так продолжалось несколько дней.

Выбрав время, когда Толю унесли на перевязку, врач обратилась к нам с капитаном:

– Хочу вашего совета, как мне поступить с Толей. В свое время он категорически отказался от ампутации голени. Если ему не ампутировать ногу, он умрет в ближайшие дни. Спросить его сейчас я не могу. Он без сознания.

– А если ему ампутируете голень, он будет жить?

– Вряд ли. Сепсис запущен. Но если не ампутировать, смерть наверняка.

– Ампутируйте! – сказали мы оба.

На следующий день Толе сделали операцию. Мы с нетерпением ждали, когда придет в нашу палату врач. Встретили вопросом:

– Как прошла операция? Как себя чувствует Толя?

Операцию Толя перенес, но состояние его крайне тяжелое. После операции в палату к нам его не привезли. На следующее утро сестра пришла к нам в палату с заплаканными глазами – перед утром Толя умер. Было ему 19 лет.

* * *

В глобинском госпитале меня случайно увидел писарь из штаба нашего полка. Он был легко ранен и вскоре выписался.

– Товарищ гвардии лейтенант, – воскликнул он, увидев меня. – а вас в полку считают без вести пропавшим.

Писарю я рассказал всю историю сражения на правобережье Днепра, ранение и переправу вплавь через реку. Но не понимаю до сих пор, что со мной случилось – я не спросил, я не смог спросить о судьбе моей роты. Боялся услышать ответ? Очевидно, я в какой-то степени считал себя винова-

тым в ее трагедии. И сейчас я себя спрашиваю, мог ли я что-либо изменить в ее судьбе, будучи сам тяжелораненым. Видимо, только разделить с ней эту судьбу.

* * *

Прошло какое-то время, и в Глобино приехал из тыла фронта какой-то госпиталь. Неонила Абрамовна пригласила ведущего хирурга этого госпиталя на консультацию. Разрезали и сняли гипс с моей ноги, промыли сквозную рану каким-то синим раствором. Хирург внимательно осмотрел ногу. Прочитал историю болезни. Спросил:

– А больной что?

– Больной от ампутации отказывается, – кивая на меня головой, ответила Неонила Абрамовна.

Она действительно во время вечерних бесед подводила меня к мысли о целесообразности ампутации сейчас, а не тогда, когда ампутация будет неизбежной. Я отказывался.

– Отказывается – значит, не хочет жить.

Хирург вышел из перевязочной.

Запомнилась мне еще одна женщина. Карпенко Татьяна Федоровна работала биб-

лиотекарем в госпитале. Было ей лет 45–48. Иногда она читала мне вслух книги, иногда мы просто разговаривали.

В январе или феврале 1944 года всех раненых из Глобино отправляли в кременчугский госпиталь. День был пасмурный, шел снег с дождем. Санитарный поезд состоял из нескольких товарных вагонов с соломой на полу. В конвертах или завернутых в одеяло нас укладывали прямо на пол. Было сыро, неуютно и тоскливо на душе.

Провожали нас медики. Была и библиотекарь Татьяна Федоровна. Она пообещала навестить меня в Кременчуге. Больше я не видел ни Неонилы Абрамовны, ни Татьяны Федоровны и никого из медсестер. Запомнились слова одной медсестры:

– Ну, Токарев, не думали мы, что будем тебя провожать живым.

3

Кременчуг

От Глобино до Кременчуга километров сто, и скоро мы были в городе на Днепре. Ни Глобино, ни Кременчуга я не видел, хотя пробыл там более шести месяцев.

Шли дни, недели, месяцы. Менялись времена года, а я все лежал и только в окно видел, как за осенью пришла зима, а за зимой – весна. Пять месяцев мне не разрешали поворачиваться на бок. Во время еды тарелка стояла на загипсованном животе. Когда стал немного поправляться, улучшился аппетит. В промежутке между завтраком и обедом мне стали давать дополнительный завтрак.

По-прежнему делали переливание крови. Однажды долго искали подходящую вену, вены были плохи. Хорошей оказалась вена на щиколотке правой ноги. Решили вместо обычных 250 кубиков ввести 500. Уже во время переливания меня стало знобить. Потом озноб усилился, стало трясти. Принесли дополнительный завтрак, но сам есть не смог: рука с ложкой дрожала настолько, что пища не удерживалась в ложке. Медсестра покормила меня. Потом увидели, что я пожелтел. Забегали врачи и сестры – подумали, что перелили кровь не той группы. Но оказалось, что организм так отреагировал на большое количество холодной крови. Дали какую-то микстуру, чай с коньяком, и желтизна стала проходить.

После этого кровь мне больше не переливали, но каждый день давали пить по сто граммов донорской крови из ампул. В жаркие дни кровь пить было неприятно.

Хочется рассказать об испытании, которому меня подвергли в кременчугском госпитале. Каждый раз, когда в госпиталь прибывала новая партия раненых, ведущие специалисты во главе с начальником госпиталя обходили все палаты. Такой обход был и в первые дни моего пребывания в этом госпитале. Во главе колонны врачей я увидел хирурга, которого в Глобино приглашала для консультации Неонила Абрамовна. Сердце мое дрогнуло. Задав несколько вопросов ординатору и мне, хирург распорядился, чтобы меня перенесли в перевязочную для осмотра. После того, как сняли гипс, он заявил:

– Если поднимешь ногу от стола хотя бы на сантиметр, нога – твоя. Не поднимешь – отниму.

Меня сразу прошиб пот от волнения. А он торопит:

– Ну, давай!

Я поднял ногу на целых 5 или 7 сантиметров.

– Молодец! – хирург похлопал рукой по моей больной ноге. – Накладывайте гипс, пусть окрепнет костная мозоль.

Я был счастлив. Через некоторое время под гипсом что-то стало меня щекотать, да так сильно, что не мог терпеть. Врач говорит:

– Это черви.

– Как черви?!

– Да Вы не пугайтесь. Черви поедают гной и тем самым очищают рану. Во Франции этот метод часто применяют для очистки ран.

– Я не француз, – отвечаю, – и лежу в советском госпитале. Никаких червей мне не надо. Снимайте гипс и убирайте их.

Гипс сняли, рану очистили. И больше червей в ней не заводилось.

В апреле у меня была большая радость. Однажды кто-то из ходячих раненых зашел к нам в палату со словами:

– Токарев, к тебе мать приехала. Сейчас она у начальника госпиталя.

– Правда? – говорю – Вот хорошо-то.

А сам подумал, что это, наверное, Татьяна Федоровна. Она обещала меня навестить. По возрасту она вполне может сойти за мать. Может быть, она назвалась ма-

терью или раненый боец принял ее за мою мать. Через несколько минут открылась дверь, и в сопровождении палатной сестры вошла мама. Я не верил своим глазам, был счастлив безгранично. Мама взяла отпуск, заручилась письмом от Новосибирского областного отдела здравоохранения, в котором говорилось, что мне будет предоставлено место в одном из госпиталей Новосибирска, и поехала на фронт.

Пассажирского движения по югу России и на Украине в то время еще не было. Ей пришлось добираться на попутных товарных поездах и в воинских эшелонах. Попадать в товарные поезда помог спирт, который она предусмотрительно захватила для этой цели. В воинские эшелоны ее брали после объяснения, что едет она в госпиталь за раненым сыном.

В Кременчуге мама уже успела устроиться на квартиру. Через 10 или 15 минут после того, как она ушла из госпиталя, начался воздушный налет немецкой авиации и бомбежка города. Я волновался, с нетерпением ждал следующего дня, когда она должна была прийти. К счастью, все обошлось благополучно для мамы.

Мама приходила в госпиталь ежедневно, приносила что-нибудь вкусное. Погода стояла теплая, солнечная. Нас, прямо на койках, выносили во двор госпиталя, и мы подолгу лежали на воздухе. Я стал набираться сил, но рана не была благополучной: развился остеомиелит, образовался свищ, через который вытекал гной.

В ожидании санитарного поезда мама прожила в Кременчуге до мая. В начале мая меня отправили санитарным поездом в город Чкалов (Оренбург). Мама поехала со мной. В Чкалове мы пробыли сутки. Е Управлении эвакогоспиталей ей разрешили меня забрать, купили нам билеты на пассажирский поезд «Чкаловск – Свердловск» в двухместное купе мягкого вагона. И мы поехали.

Нога моя была по-прежнему в гипсе, но гипс был без корсета.

Перед отъездом из Кременчуга раненым в торжественной обстановке вручали ордена и медали. Мы, тяжелораненые, лежали на носилках перед столом президиума, но это нисколько не портило торжественной обстановки. Я был награжден за Сталинград орденом Отечественной войны второй степени. После торжественной час-

ти был обед с вином. Мама тоже присутствовала на этих торжествах. Я был горд за свою награду, но думаю, что не менее горда за сына была моя мама.

Как только наш поезд остановился в Свердловске, мама побежала в санитарный пункт за сестрой или санитаром. Вскоре она пришла с сестрой и носилками. До дверей вагона я допрыгал на одной ноге. Держась за поручень, спустился до носилок и лег в них. Мама и медсестра понесли носилки.

Для того чтобы пройти в вокзал, надо было спуститься по лестнице. Во время спуска у мамы подвернулась нога, и они с сестрой выпустили носилки. Я упал. Мама очень испугалась за мою ногу. Но нога была в гипсе, и все обошлось благополучно. В Новосибирск мы приехали 11-го мая. День был холодный, шел снег. Меня привезли в госпиталь.

4

Госпиталь № 1504

Госпиталь находился на углу Красного проспекта и улицы Орджоникидзе. В то время это было трехэтажное каменное

здание, позже было надстроено еще два этажа. Когда-то в этом здании был планово-экономический институт, потом Высшая партийная школа. Офицерская палата находилась на втором или третьем этаже. Это была большая комната, в которой стояло восемь или десять коек. Середина палаты оставалась свободной, там стоял только большой стол. Потом через этот стол прыгал офицер с ампутированной ногой, на костылях, чудом выживший после столбняка.

За столом обедали те, кто мог уже подниматься с койки, но не мог еще спускаться в столовую, которая была на первом этаже. За столом играли в домино с раннего утра до позднего вечера, с азартом ударяя костяшками по столешнице. Когда я стал передвигаться по палате, то прятал кости себе под подушку, чтобы игроки не мешали мне спать. Игроки клялись, что будут играть тихо, упрашивали меня отдать им кости. В конце концов, я отдавал их. Игроки некоторое время вели себя тихо, но потом забывали про клятвы, и начинался грохот костей об стол. Но все это было много позже, а когда меня поместили в палату, мне

было не до домино и его игроков, да и им было не до игры.

5

Рахиль Михайловна Рывкина

Остеомиелит прогрессировал. Организм истощался. Предстояла третья операция. Оперировала Рывкина Рахиль Михайловна. Способный хирург, симпатичная и обаятельная женщина лет тридцати, она обслуживала ряд госпиталей, отдавая много сил и внимания раненым.

Ввели наркотическое вещество в спинномозговой канал, и операция началась. Врач долбила кость, удаляя места, пораженные остеомиелитом, но я не чувствовал боли. Удары молотка по зубилу отдавались где-то внутри тела. Чтобы я не видел, что делают с ногой, сестра держала перед моими глазами простыню, но иногда хирургу требовалась ее помощь, и тогда сестра давала мне угол простыни, чтобы я держал сам. Я пользовался моментом и смотрел, что со мной делали.

Кожа на ноге была отечная. Вскрытая до кости рана на колене казалось огромной. Ее величина меня не пугала. На перевязках

в госпиталях, когда раненых перевязывают сразу на нескольких столах, не такие еще раны приходилось видеть. И все же мне стало дурно, но совсем по другой причине. Я понял, что Рахиль Михайловну смутило состояние разрушенных инфекцией костей. Она спросила:

– Вам никогда не предлагали отнять ногу?

– Предлагали, – говорю, – но я отказывался. А что?

– Нога очень плохая... Но попробуем что-нибудь сделать.

Вот тут-то мне и стало плохо. Столько я из-за ноги выстрадал, не давая ее ампутировать! Неужели теперь, в глубоком тылу, придется все-таки потерять ногу? Придя ко мне в палату после операции, Рахиль Михайловна сказала:

– Я оставила вам только костный мостик. Мостик соединяет кости голени и бедра. Он достаточно прочен. Думаю, что все будет хорошо.

Она не ошиблась. Я стал выздоравливать.

Позже, когда я находился в Бердском санатории, куда раненых отправляли на до-

лечивание и отдых, она мне делала еще одну операцию по рассечению бедра правой ноги в связи с флегмоной. Флегмона образовалась после введения в ногу физиологического раствора во фронтовом госпитале.

Последний раз я видел Рахиль Михайловну летом 1945 или 1946 года на Красном проспекте. Увидев меня на собственных ногах, она заулыбалась, видимо, довольная делом своих рук. После окончания войны Рахиль Михайловна работала в Институте восстановительной хирургии. Прошло много лет. Мне хотелось еще раз увидеть ее и поблагодарить за труды. Но не довелось. Рахиль Михайловна умерла.

6

Я учусь ходить

Когда с меня сняли гипсовый корсет, то обнаружилось, что я, после семи месяцев пребывания в нем, не могу сидеть. Мышцы брюшного пресса ослабели настолько, что не могли держать тело в положении сидя. Как только я садился с помощью рук, тело валилось на спину. Пришлось учиться сидеть. К спинке кровати в ногах я привязал

бинт. Ухватившись за него, я подтягивался и садился. Опуская бинт, падал на спину. Делая эту зарядку в течение многих дней, я научился сидеть, не держась за бинт. Научившись сидеть, стал пробовать ходить на костылях. Я очень хотел ходить. Это была моя мечта. Лежать я устал. Да и надоело зависеть от кого-то.

Первая моя попытка встать на костыли была неудачной. Правая нога подломилась подо мной, и я упал. Упал удачно – на свою койку. Икроножная мышца атрофировалась. Ее вообще не было. Нога состояла из костей, обтянутых кожей. Пришлось растить и развивать мышцу. Для этого я, держась за спинки двух кроватей, приседал и выпрямлялся. Недели через две или три я мог уже стоять на здоровой ноге, не держась за спинки кроватей. Стал делать первые шаги. Сначала проходил 3–5 метров. С каждым днем маршрут удлинялся. Я уже доходил до окна и возвращался к своей койке. И тогда рискнул пойти самостоятельно в туалет. Вышел из палаты в коридор и пошел, рассчитывая, что, в крайнем случае, сяду на один из диванов, которые стояли вдоль стен коридора. До туалета я не дошел

метра два. Сел на диван. Отдохнув, пошел дальше. Обратно добирался тоже с отдыхом на диване. Через неделю этот маршрут я проходил уже без отдыха. Я был счастлив, что вновь хожу. Ходить старался больше. И врачи рекомендовали больше ходить.

В одной палате со мной лежал молодой офицер тоже с неподвижным коленным суставом. Он уже бойко ходил на костылях, положив негнущуюся в колене ногу себе на плечо. Я такого совершенства достичь не смог.

7

«Герой» Советского Союза Николай Михайлович Соколов

Однажды среди офицеров нашей палаты прошел слух, что к нам в палату кладут летчика, майора, дважды Героя Советского Союза, раненного в обе ноги. Вскоре в палате началась суета. Палатная сестра и сестра-хозяйка принесли ворох белья и стали готовить койку к приему раненого. Потом пришел замполит госпиталя. Наконец, принесли на носилках майора.

Было ему лет 25–27. Шатен, довольно плотного сложения, с приятным открытым

лицом. С первых же часов своего пребывания Николай Михайлович покорил соседей своей простотой и приветливостью. В дальнейшем перед ним не устояли и сердца всего обслуживающего персонала. Был он интеллигентен, широко эрудирован. Охотно вел беседы с любым, кто к нему обращался. Помогал медсестрам, учившимся на курсах повышения квалификации, в подготовке ими домашних заданий. Ко мне часто приходила мама. Он и с ней вел беседы. И моя мама была им очарована. Когда я познакомился с майором поближе, осмелившись, спросил его:

– Николай Михайлович, правда или нет, говорят, вы – дважды Герой Советского Союза?

– Это преувеличение. Герой Советского Союза, но не дважды.

Шло время. Николай Михайлович из лежачего больного превратился в ходячего. Ему свободно выдавали обмундирование, и он часто уходил из госпиталя. Офицеру-герою сшили новое обмундирование, сапоги. Однажды в отсутствие Николая Михайловича к начальнику госпиталя пришли двое в штатском. Когда Николай Михайлович вошел в палату, его пригласили тоже туда.

От начальника госпиталя он вышел уже в ботинках с обмотками, в солдатской шинели и в сопровождении тех двоих в штатском. Вскоре состоялось заседание военного трибунала. Соколова приговорили к 10 годам лишения свободы.

Я не был на заседании трибунала, но некоторые ребята были. Они рассказали следующее. Соколов – москвич. Он служил на одном из фронтовых аэродромов метеорологом в звании лейтенанта. После ранения во время бомбежки аэродрома вражеской авиацией он захотел стать Героем Советского Союза. Его девушка, которая работала в Наркомате обороны, достала ему чистые бланки документов. Остальное он, видимо, сделал сам. Покрасоваться ему удалось не более шести месяцев. Его дальнейшая судьба мне, понятно, неизвестна.

8

Бердский санаторий. Вновь в госпитале

В конце августа 1944 года здоровье мое значительно улучшилось. Рана заживала. И меня отправили на отдых и долечивание

в Бердский санаторий. На первом этаже жили гражданские лица, на втором и третьем – выздоравливающие раненые. Санаторий находился в густом сосновом бору. Сейчас на этом месте плещется Обское море.

В этом санатории я пробыл до 17-го или 18-го ноября. Я физически окреп и поправился. Этому способствовало усиленное питание. Мама делала мне смесь из сала, меда и какао или шоколада. Но после выписки из санатория, на второй или третий день, открылся свищ в ноге. Меня опять положили в госпиталь № 1504. Окончательно я вышел из него только 2 февраля 1945 года. Три месяца я отдыхал дома.

Радостным был для меня День Победы, но было немного грустно оттого, что победа была завоевана без меня.

9

Еще операция (шестая)

В середине мая 1945 года я устроился на работу в Кировский райсобес на должность инспектора по трудоустройству инвалидов Отечественной войны. Проработав месяц, опять попал на больничную койку. Под ко-

леном раненой ноги образовался глубокий и обширный гнойник. Поднялась высокая температура. Меня отвезли в городскую больницу. Под общим наркозом гнойник вскрыли, прочистили полость, в которой скапливался гной. В больнице я пролежал месяц.

Летом 1944 года моя жена Валя принесла мне в госпиталь письмо, полученное ею из воинской части, в которой я воевал. Письмо было такого содержания:

«Командование воинской части полевая почта 24462 сообщает Вам, что Ваш муж гвардии лейтенант Токарев Геннадий Федорович, ранее состоящий на службе в нашей части, за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество награжден орденом Красного Знамени.

Просим поставить его в известность, так как в связи с убытием его из нашей части по ранению нам не известен его адрес, и сообщить, куда выслать ему выписку из приказа на предмет получения указанной награды.

Командование в/части полевая почта 24462».

На это письмо я уже ответил сам и вскоре получил выписку из приказа, которую сдал в военкомат. Летом 1945 года в Доме Советской Армии получил и орден, которым очень гордился. Это был первый орден, учрежденный Советской властью.

К сожалению, орден Красного Знамени, как и орден Отечественной войны, сохранить мне не удалось. В марте 1953 года наша семья жила в коммунальной квартире. Мы с женой были на работе, а дочь Наташа, уходя в школу, не закрыла на замок комнату. К соседскому мальчишке пришли друзья-воришки. Они зашли в нашу комнату, украли деньги, театральный бинокль, ордена и медали «За оборону Сталинграда» и «За победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Остались лишь документы, подтверждающие награждение. Попытки разыскать украденное к успеху не привели.

* * *

Прошло тридцать шесть лет с тех пор, когда каждый день умирали и калечились тысячи людей. 1418 огненных дней самой истребительной войны за всю историю человечества.

И вот сейчас, оглядываясь на прошлое, я спрашиваю себя, а не лучше ли было бы для меня, если бы я не принимал участия в ней. Ведь я тогда не был бы калекой. И отвечаю – нет. Было бы хуже. Я бы всегда считал себя в неоплатном долгу перед погибшими в горниле войны. Гораздо в большем, чем я считаю себя должником сейчас! Воевать я старался как можно лучше, но, конечно, получалось хуже, чем загадывалось. Но все-таки и моя кровь пролилась за дело правое.

В 1985 году в связи с сорокалетием со дня победы я был награжден орденом Отечественной войны первой степени.

ДОПОЛНЕНИЕ

В 1975 году вышла в свет книга Героя Советского Союза генерал-лейтенанта Н. И. Бирюкова «Трудная наука побеждать». В годы Великой Отечественной войны Н. И. Бирюков командовал 20-м корпусом, входившим в состав 4-й гвардейской армии (1943 год).

На страницах 150–155 этой книги описан подвиг командира минометного взвода лейтенанта Постевого Сергея Игнать-

евича, за который он был удостоен звания Героя Советского Союза. Постевой служил в том же полку, в котором служил я. Но я его не знал, так как он прибыл в полк после моего ранения и убытия из полка. Летом 1982 года в одной из телевизионных передач Клуба фронтовых друзей «Победители» я увидел на экране полковника Постевого.

На другой день я написал письмо в адрес Центрального телевидения с просьбой сообщить мне адрес Постевого. Письмо было переслано в Политуправление внутренних войск СССР, и вскоре я получил запрашиваемый адрес. Я написал Сергею Игнатьевичу и в октябре 1982 года получил от него ответ. Оказалось, что, действительно, это о нем писал в своих мемуарах генерал-лейтенант Бирюков.

Сергей Игнатьевич откликнулся на мою просьбу и сообщил мне о дальнейшей судьбе некоторых сослуживцев, но не смог написать обо всех, кем я интересовался.

Командир батальона, уже не капитан, а майор Жуков за форсирование Днепра получил звание Героя Советского Союза. В 60-х годах утонул, купаясь в реке.

Полковник Бондарь и генерал-майор Джахуа умерли в 70-х годах.

Замполит командира полка полковник Король Петр Михайлович живет в Одессе.

Постевой сообщил, что в Казани находится Совет ветеранов 69-й гвардейской дивизии. Секретарь Совета – Ильматова Асия Хакимовна. С Королем и Ильматовой я установил связь.

Так через 39 лет восстановилась связь с ветеранами полка и дивизии. К сожалению, о многих моих сослуживцах, которыми я интересовался, никто из них ничего не знает.

Сергей Игнатьевич еще служит, командует учебным полком Военизированной пожарной охраны.

В Новосибирске проживает сослуживец по дивизии Герой Советского Союза Анисичкин Федор Иванович. Мы с ним еще не встречались, но по телефону разговаривали.

СОДЕРЖАНИЕ

Геннадий Федорович ТОКАРЕВ
ВЕСТИ ДНЕВНИК НА ФРОНТЕ ЗАПРЕЩАЛОСЬ

Редактор *Т.А.Янушевич*
Компьютерная верстка *Т.А.Воронина*
Художественное оформление *В.И.Сапожникова*
Корректор *Е.Н.Булгакова*

Издательство «Свиньин и сыновья»
г. Новосибирск, e-mail: isis@irs.ru

Подписано в печать 15.04.2005.
Формат 60x84/32. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 6,86. Тираж 3000 экз.

Типография ИПП «Арт-Авеню».
Заказ № 21
630058, г. Новосибирск, ул. Русская, д.39, ком.222

Издательство «Свиньин и сыновья»
в серии «Общедоступная библиотечка»
выпускает следующие книги:

Ким Цын Сон
«Пылающие листья»

Геннадий Прашкевич
«Белый мамонт»

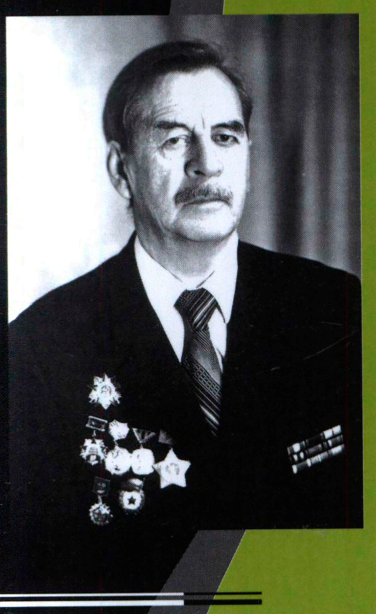
Александр Рубан
«Витающий в облаках»

Геннадий Токарев
«Вести дневник на фронте запрещалось»

Борис Штерн
«Второе июля четвертого года»

Георгий Юрьев
«Записки провинциального патологоанатома»

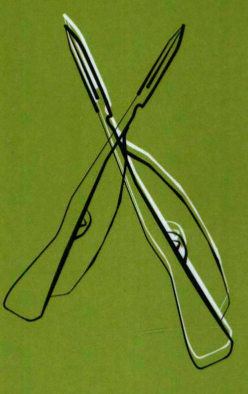
Татьяна Янушевич
«Мифология детства»

Очень скоро по звуку мотора мы научились определять не только, наш самолет или немецкий, но и его назначение: истребитель, бомбардировщик или разведчик. Научились распознавать, упадет мина или снаряд там, где мы находимся, или перелетит. Научились не кланяться просвистевшей пуле...

Постигается это очень быстро и в памяти остается на всю жизнь.

ISBN 598502022-3
9785985020229